

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 47 НОЯБРЬ 1973

ВИЗИТ ДРУЖБЫ

Встреча в Бориспольском аэропорту Киева.

В И З И Т

Перед началом переговоров.

Во время переговоров. **Телефото специального корреспондента ТАСС В. Мусаэльяна.**

ДРУЖБЫ

По приглашению Центрального Комитета КПСС с дружественным визитом в Советский Союз 12 ноября прибыл Президент СФРЮ, Председатель Союза коммунистов Югославии Иосип Броз Тито с супругой Йованкой Броз.

Вместе с Иосипом Броз Тито в Киев прибыли секретарь Исполнительного бюро Президиума СКЮ Стане Доланц, заместитель председателя Союзного исполнительного веча, союзный секретарь по иностранным делам СФРЮ Милош Минич, Председатель ЦК СК Сербии Тихомир Влашкалич и другие официальные лица.

В Бориспольском аэропорту Киева, украшенном государственными флагами СФРЮ, СССР и УССР, товарища Иосипа Броз Тито и сопровождающих его лиц встречали Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Украины В. В. Щербицкий, секретарь ЦК КПСС К. Ф. Катушев и другие.

Товарищей Л. И. Брежнева и Иосипа Броз Тито тепло приветствовали на аэродроме представители трудящихся Киева.

12 ноября в Киеве начались переговоры между Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым и Президентом СФРЮ, Председателем Союза коммунистов Югославии Иосипом Броз Тито.

В ходе переговоров, которые проходили в теплой, дружественной обстановке, обсуждались вопросы дальнейшего развития и углубления советско-югославских отношений, а также международные проблемы, представляющие взаимный интерес.

Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев 12 ноября дал обед в Мариинском дворце в честь Президента СФРЮ, Председателя Союза коммунистов Югославии Иосипа Броз Тито и его супруги.

Выступая с речью на обеде, товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Советско-югославские отношения развиваются успешно, и я хотел бы подчеркнуть, что мы видим хорошие перспективы дальнейшего углубления сотрудничества братских народов Советского Союза и Югославии».

Ш. Р. РАШИДОВ,
кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана

Труженики сельского хозяйства Узбекистана, выполняя решения XXIV съезда КПСС, ежегодно добиваются значительных успехов в развитии хлопководства, в увеличении валовых сборов хлопка. Большую победу одержали они в нынешнем году. С честью выполнено высокое социалистическое обязательство, принятое на собрании партийно-хозяйственного актива хлопкосеющих республик, в работе которого участвовал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев. Государству сдано около 4 миллионов 880 тысяч тонн хлопка при плане 4 миллиона 445 тысяч тонн. За три года пятилетки Узбекистан дал уже 1 миллион 265 тысяч тонн сверхпланового «белого золота».

Специальный корреспондент журнала «Огонек» Ю. Сбитнев попросил КАНДИДАТА В ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС, ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КОМПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА Ш. Р. РАШИДОВА прокомментировать эту большую победу тружеников республики.

ВОПРОС: Каковы особенности нынешней хлопкоуборочной страды?

Ответ: Первая и главная особенность — это небывалый энтузиазм трудящихся республики, вызванный радостным, историческим событием — вручением Узбекской ССР ордена Дружбы народов. Высокая оценка вклада республики в экономическое, социально-политическое и культурное развитие Советского государства, которая дана в речи товарища Л. И. Брежнева при вручении ордена Дружбы народов, его выступление на партийно-хозяйственном активе хлопкосеющих республик проникнуты заботой нашей партии о дальнейшем подъеме хлопководства. Теплые, отеческие слова в адрес хлопкоробов вызвали новый подъем трудовой и политической активности масс, вдохновили их на славные свершения.

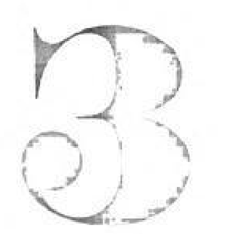
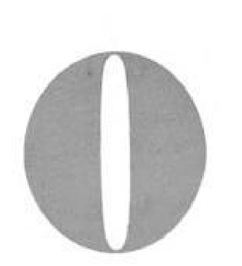
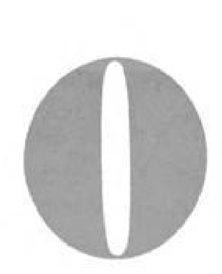
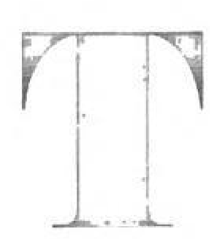
Сбор урожая проходил небывало высокими темпами. В разгар уборочной страды дневная сдача хлопка доходила до 146 тысяч тонн — это более трех процентов годового народнохозяйственного плана. В Андижанской области ежедневная сдача достигла пяти процентов, в Сырдарьинской и Ташкентской областях она превышала четыре процента. Многие районы заготавливали за день хлопка в объеме 6—8 и более процентов и выполнили годовые планы за двадцать, двадцать пять дней.

Вторая особенность состоит в том, что нынешний год выдался рекордным по урожайности хлопчатника. Несмотря на значительные трудности, вызванные ливневыми дождями и градобитием в весенний период и небывалой жарой в летние месяцы, повсеместно был выращен богатый урожай хлопка. С площади 1 миллион 683 тысячи гектаров получено в среднем почти по 30 центнеров сырца с гектара. Такая урожайность достигнута впервые за всю историю хлопководства. Это самый высокий в мире урожай на такой большой площади.

На полях Хорезмской области получен небывало высокий урожай — свыше 35 центнеров. Наманганская, Андижанская и Сурхандарьинская области собрали по 31—34 центнера хлопка с гектара. Даже в Каракалпакской АССР, находящейся севернее всех хлопководческих зон мира, урожайность хлопчатника составила 26 центнеров. Восемнадцать районов республики получили по 35—40 центнеров, а многие хозяйства — по 45—50 центнеров хлопка с гектара.

Третья особенность нынешней страды — широкое применение хлопкоуборочной техники. Такого уровня механизации уборочных работ, как нынче, республика еще не знала.

Благодаря неустанной заботе ЦК КПСС и Советского правительства о подъеме хлопководства небывало окрепла материально-техническая база этой отрасли народного хозяйства. Колхозы и совхозы республики располагают ныне огромным количеством разнообразной техники, необходимой для возделывания хлопчатника и уборки урожая. Подавляю-

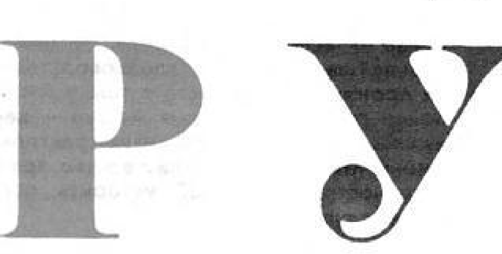

З О Л О Т Ы

Механизированная уборка хлопка.

Герой Социалистического Труда депутат Верховного Совета СССР, председатель колхоза «Пахтакор», Балыкчинского района, Андижанской области, Турдыхан Саттарова. Она возглавляет самый высокоурожайный колхоз в районе.

щее большинство процессов в хлопководстве переложено на плечи машин. Наши ученые и конструкторы создали замечательные машины, которые избавляют хлопкоробов от тяжелого ручного сбора сырца.

Объем машинной уборки неуклонно растет. В 1970 году было собрано машинами 1 миллион 570 тысяч тонн хлопка; в 1971 году — 1 миллион 837 тысяч тонн; в 1972 году — 2 миллиона 156 тысяч тонн. В нынешнем сезоне на полях республики работало свыше тридцати тысяч хлопкоуборочных машин и много другой уборочной техники. Машинами собрано почти 2,7 миллиона тонн — 55 процентов общего валового сбора.

Хозяйства Сырдарьинской области собрали машинами 80 процентов урожая, Ташкентской — 70, Наманганской — более 60 процентов. В целинных совхозах Голодной степи уровень механизации уборки хлопка превысил 90 процентов. А многие колхозы и совхозы республики практически весь урожай собрали механизированным способом. Благодаря широкому применению техники резко сократились сроки уборки урожая. Планы заготовок хлопка стали выполняться в октябре, а не в декабре, как было в прошлом.

ВОПРОС: Каковы слагаемые трудовой победы хлопкоробов Узбекистана?

Ответ: Хлопководство у нас никогда не стояло на одном месте. Оно непрестанно идет вперед. В первом году девятой пятилетки республика дала Родине 4 миллиона 511 тысяч тонн хлопка, а в прошлом году еще больше — 4 миллиона 710 тысяч тонн. В третьем, решающем году пятилетки страна получила рекордное количество узбекистанского хлопка. Сбор его продолжается, республика вплотную подходит к пятимиллионному рубежу.

Из чего же слагаются здесь наши успехи, в чем их секрет? Они достигнуты в результате упорного труда и высокого мастерства хлопкоробов, большой организаторской и политической работы в массах. Подъем хлопководства стал у нас кровным делом всех партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций, всех министерств и ведомств, всех трудящихся. И это приносит хорошие плоды.

Но главное, основное — это то, что партийная организация Узбекистана взяла твердый курс на укрепление материально-технической базы хлопководства, всемерное развитие технического прогресса. Она последовательно проводит в жизнь высказанное Л. И. Брежневым на XXIV съезде партии указание о дальнейшем техническом перевооружении сельского хозяйства, его механизации, химизации и проведении больших работ по мелиорации земель. Хлопководство у нас развивается на основе севооборотов, постоянного повышения культуры земледелия и плодородия полей, развития мелиорации, орошения и освоения новых земель, широкого внедрения химизации и комплексной механизации.

ВОПРОС: В увеличение производства хлопка и в уборку урожая громадный вклад внесли механизаторы. Как работали они?

Ответ: В республике выросла многотысячная армия мастеров машинного сбора хлопка. Ветеранами этой гвардии являются наши известные механизаторы — Герой Социалистического Труда Валентин Тюпко, зачинатель движения девушек за овладение профессией механика-водителя, Герой Социалистического Труда Турсуной Ахунова, лауреат Ленинской премии Джават Кучиев, Герои Социалистического Труда Хафиз Палванов, Шаймардан Кудратов и многие другие. Это они были первыми испытателями «голубых кораблей»; это они помогали конструкторам и ученым доводить машины до совершенства; это они прокладывали дорогу машинной уборке и устанавливали рекорды механизированного сбора урожая; это они обучали молодых механизаторов высокому мастерству работы на хлопкоуборочных машинах.

Теперь у них много последователей. В нынешнем сезоне на уборке урожая работало свыше сорока тысяч водителей «голубых кораблей». Сотни из них повторили и превзошли рекорды машинного сбора хлопка, достигнутые в прошлые годы. Это Сервер Усейнов и Сервер Алиев из колхоза «40 лет Октября», Букинского района; Светлана Продан из совхоза «Янгиабад», Гагаринского района; Ахмад Валиев из совхоза имени Кичанова, Пахтакорского района; Абиджан Акбаров из совхоза «50 лет Октября», Мархаматского района; Кувандык Абдураззаков из совхоза имени Титова, Ильичевского района; Абдусаттар Курбанов из совхоза имени Ленина и Чинихол Худоярова из совхоза имени К. Рахимова, Шерабадского района; Тулян Дададжанов из совхоза имени Ленина, Дустликского района; Камил Джуманиязов из колхоза Агахи, Кувинского района; Казак Камалов из колхоза имени Крупской, Амударьинского района, и многие другие.

Высокие результаты показали известные механизаторы братья Шадиевы, работающие в различных учреждениях и организациях Ташкента. В начале уборочной страды они выехали в целинные совхозы и всемером собрали машинами 2 тысячи 240 тонн «белого золота».

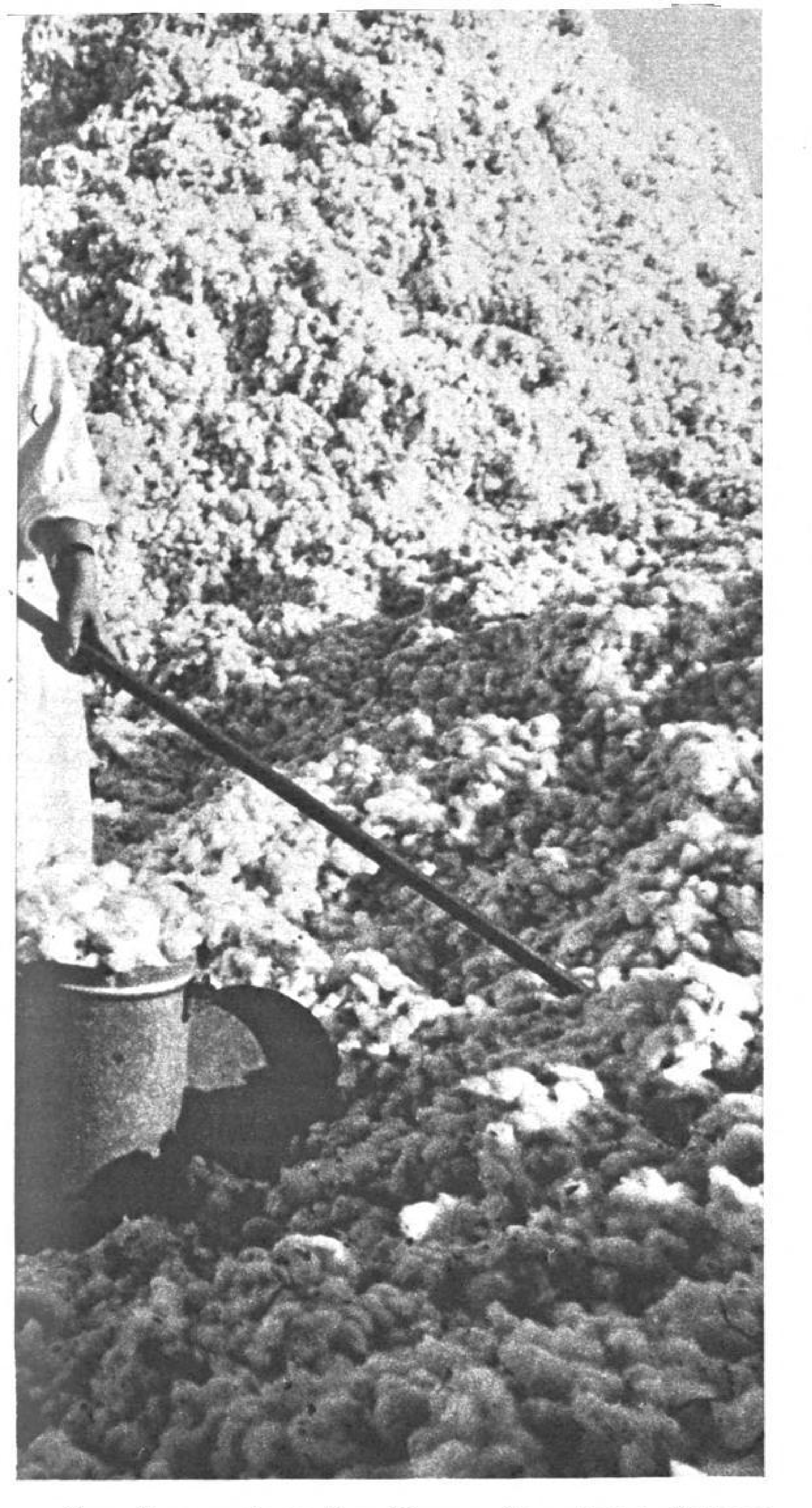

ВОПРОС: Нынешний год рекордный по производству хлопка. Каковы перспективы на будущее?

Ответ: Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в своем выступлении на партийно-хозяйственном активе хлопкосеющих республик, состоявшемся 24 сентября в Ташкенте, поставил большие задачи по дальнейшему подъему хлопководства. Наша цель — довести в следующем пятилетии производство хлопка до 6 миллионов тонн.

Для решения этих задач республика располагает большими возможностями. У нас есть немало резервов, использование которых обеспечит ускоренное развитие ирригации и мелиорации, освоение новых земель, рост культуры земледелия, повышение химизации и комплексной механизации. Нашими учеными, селекционерами созданы и создаются прекрасные, высокопродуктивные, вилтоустойчивые сорта хлопчатника. Селекционером С. Мирахмедовым выведены сорта «Ташкент-1», «Ташкент-2» и «Ташкент-3», которые занимают площадь свыше миллиона гектаров. На выходе еще более продуктивный сорт — «Ташкент-4». Селекционером Ю. П. Хуторным созданы вилтоустойчивые сорта тонковолокнистого хлопчатника. С. Мирахмедов и Ю. П. Хуторной были удостоены Государственной премии СССР. Успешно работают и другие селекционеры. Важным резервом является более широкое внедрение таких прогрессивных приемов агротехники, как двухъярусная вспашка, широкорядные посевы, точный сев и механизированная чеканка хлопчатника, повышение эффективности использования техники, минеральных удобрений, гербицидов и других химических средств.

Особенно важно обеспечить дальнейшее повышение уровня механизации уборки хлопка. У нас созданы и хорошо зарекомендовали себя на полях великолепные четырехрядные хлопкоуборочные машины «Узбекистан». Они не имеют себе равных в мире. Эти высокопроизводительные машины просты и надежны в эксплуатации, обеспечивают высокое качество сбора хлопка. Но таких машин еще не хватает. Интересы дальнейшего развития хлопководства настоятельно требуют увеличения их производства. Вместе с тем у нас ведутся работы по созданию еще более производительных машин — шестирядных. Для их использования нужны восьмидесятисильные тракторы «Беларусь» хлопковой модификации. Мы просим Министерство тракторного и сельскохозяйственного машиностроения СССР ускорить освоение и массовое производство таких машин.

Старший техник-лаборант Елена Югова и лаборант Донахон Рузматова определяют температуру во время укомплектовки бунта на заготпункте опытного хлопкозавода Среднечирчикского района.

Главная наша сила в подъеме хлопководства — это большая армия квалифицированных хлопкоробов, специалистов сельского хозяйства, их трудолюбие и высокое мастерство. Леонид Ильич Брежнев не раз высоко оценивал труд наших людей, дающих стране «белое золото». На партийно-хозяйственном активе хлопкосеющих республик он подчеркнул: хлопок называют «белым золотом», но это «белое золото» выращивается золотыми руками. И люди с золотыми руками полны стремления с каждым годом наращивать производство хлопка.

Большую помощь в развитии хлопководства оказывают нам все братские республики Советского Союза. Они поставляют Узбекистану удобрения, гербициды, дефолианты, тракторы, землеройную технику, машины, оборудование. Еще и еще раз проявляется могучая сила ленинской дружбы народов, в ней — залог наших дальнейших успехов.

Опираясь на возрастающую помощь государства и всех братских народов, труженики сельского хозяйства Узбекистана будут давать стране все больше и больше высококачественного «белого золота». В этом они видят свое главное призвание, свой высший патриотический и интернациональный долг.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

УРОКИ КОНФЛИКТА

Николай ПАСТУХОВ

В своем сирийском блокноте я обнаружил короткую запись: «Хомс. 4 июля. Над городом пролетел израильский беспилотный самолет-разведчик». События, которые произошли в октябре на Ближнем Востоке, неожиданно наполнили ее большим смыслом. Ведь Хомс был подвергнут особенно интенсивным бомбардировкам: было уничтожено много промышленных предприятий и среди них — крупнейший в Сирии нефтеперегонный завод. Да, Тель-Авив уже задолго готовился к агрессии, и, как видно, полеты израильских воздушных разведчиков носили весьма целенаправленный характер.

В чем же состоят коренные причины нынешних конфликтов, периодически возникающих на Ближнем Востоке? Отвечая на этот вопрос в речи, обращенной к делегатам Всемирного конгресса миролюбивых сил, Леонид Ильич Брежнев сказал: «...Это захват Израилем арабских земель в результате совершенной им агрессии, упорное нежелание Тель-Авива считаться с законными правами арабских народов и поддержка этой агрессивной политики теми силами капиталистического мира, которые стремятся помешать свободному и независимому развитию прогрессивных арабских государств».

На этот раз расчеты тех, кто готовил новый ближневосточный конфликт явно не оправдались. Тель-Авив понес крупные потери в авиации, танках, артиллерии, живой силе. В руководящей элите Израиля начались грызня, распри, а население страны все решительнее выражает недовольство экспансионистским курсом, ростом безработицы, цен и налогов. Что же касается арабских стран, то, как признает американская газета «Крисчен сайенс монитор», «арабы сейчас сплочены как никогда. У них есть войска, деньги, оружие... Они вполне могут вести затяжную войну». Это, собственно, первый урок, который преподали арабские государства израильским агрессорам и их покровителям.

Недавно главный стратег израильских агрессоров Моше Даян заявил о том, что «Израиль не сможет выдержать еще одну войну, если не будет иметь уверенности в политической и материальной поддержке со стороны США». Однако последствия октябрьского конфликта и та изоляция, в которую попали тель-авивские экстремисты на мировой арене, серьезно, по крайней мере на ближайшее обозримое будущее, поколебали эту уверенность. Дело в том, что энергетический кризис и позиция западноевропейских союзников США по НАТО, за исключением Голландии, которые высказались за вывод израильских войск с оккупированных арабских территорий, привели Вашингтон к необходимости тактического лавирования в ближневосточном конфликте. Вот что в этой связи сообщает близкая к американским правящим кругам газета «Вашингтон пост»: «Многие американские должностные лица не только госдепартамента и ЦРУ, но и Пентагона понимают позиции европейских стран. Они считают, что необходимо заставить Израиль занять более сговорчивую позицию для того, чтобы подобные вспышки на Ближнем Востоке периодически не повторялись. Некоторые высокопоставленные должностные лица, в том числе многие евреи, открыто выражают тревогу по поводу того, что увеличение расходов на войну, угроза прекращения нефтяных поставок и несговорчивость Израиля в конечном счете подорвут в какой-то степени поддержку Израиля и в Соединенных Штатах». Вне зависимости от того, насколько точно это высказывание «Вашингтон пост» соответствует действительности, оно является в нынешней обстановке весьма симптоматичным и содержит второй урок, который должны были бы извлечь из последних событий тель-авивские экстремисты.

Но сделаны только первые шаги на пути политического урегулирования ближневосточного конфликта. И их можно приветствовать, каким бы тернистым ни было движение к конечной цели решения проблемы — выполнения резолюции Совета Безопасности № 242, предусматривающей полный вывод израильских войск с оккупированных арабских территорий и восстановление законных прав палестинского народа.

В эти тревожные, полные драматизма дни арабские народы достойно оценили чувства дружбы и солидарности, проявленные Советским Союзом. В войне, отмечает каирская газета «Аль-Гумхурия», навязанной арабским народам силами империализма и сионизма, Советский Союз на деле подтвердил, что он друг арабов, на которого можно положиться.

Наша страна и впредь будет бороться за справедливый мир на Ближнем Востоке, основанный на том, чтобы всем государствам и народам Ближнего Востока были обеспечены безопасность и нерушимость их границ.

ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ СССР

В день праздника Великого Октября опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР о присуждении Государственных премий СССР 1973 года в области науки и техники и в области литературы, искусства и архитектуры. Новыми лауреатами стала большая группа ученых и техников, а также работников литературы, искусства и архитектуры.

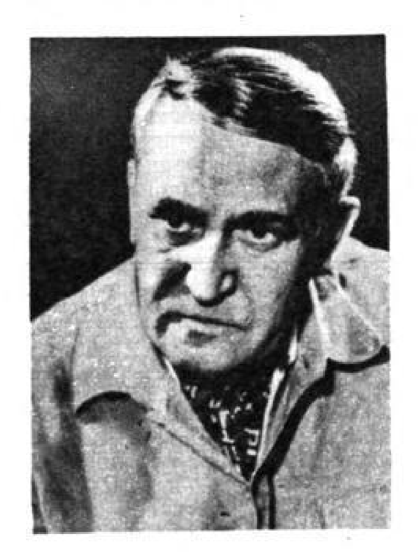

Андрей Дмитриевич ГОНЧАРОВ. За книжные иллюстрации в технике гравюры на дереве 1969—1971 гг. к поэме В. Казина «Великий почин» (портрет В. И. Ленина), к произведениям А. Островского, А. Сухово-Кобылина и Ф. Достоевского.

Вера Георгиевна ДУЛОВА. За концертные программы 1969—1970 гг. и 1971—1972 гг.

Михаил Кузьмич ЛУКОНИН. За книгу стихов и поэм «Необходимость». ▶

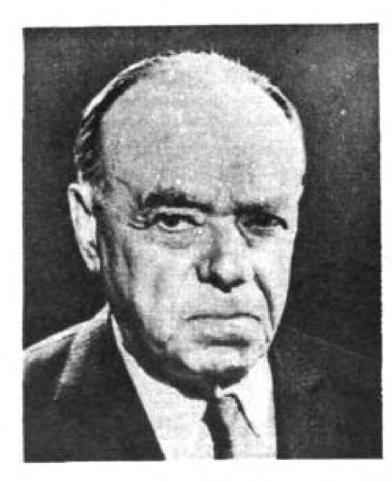

НАБИ ХАЗРИ (Бабаев Наби Алекпер-оглы). За книгу стихов и поэм «Море начинается с вершин» и новые стихи из книги «Стихи и поэмы».

Алексей Иванович МЕТЧЕНКО. За книгу «Кровное, завоеванное. Из истории советской литературы».

Виктор Осипович ПЕРЦОВ. За книгу «Маяковский. Жизнь и творчество».

Михаил Андреевич САВИЦКИЙ. За цикл живописных произведений «Героическая Белоруссия»: картины «Партизанская мадонна», «Витебские ворота», «В поле» и настенную роспись «Отечественная война. 1944 год» в Музее Великой Отечественной войны в г. Минске.

А. АЛЕКСЕЕВ, фото Г. РОЗОВА.

Пятьдесят лет назад, в 1923 году, Центральный Исполнительный Комитет Азербайджанской ССР провозгласил образование Нагорно-Карабахской автономной области. Сегодня мы рассказываем о нынешнем дне этого цветущего края.

Осень нарядила горы в разноцветные одежды. Внизу, на склонах, еще ярко зеленеют виноградники, повыше желтеет пожухлая трава, а вершины уже белы от снега. С высокогорных пастбищ спускаются в долины на зимовку отары овец. В их бесконечном потоке застревают мощные самосвалы, спешащие на строительные площадки, грузовики с продукцией местных фабрик, комфортабельные автобусы. Нагорный Карабах — край животноводства, виноградарства, быстро развивающейся промышленности.

С трудом преодолев овечье половодье, мы въезжаем в областной город Степанакерт. Его центр застроен современными домами, с удобными, красивыми квартирами. Над асфальтом улиц изящно изогнулись светильники с люминесцентными лампами. В живописном месте возвышается на фоне гор памятник русскому солдату-красноармейцу. У подножия памятника живые цветы — дань признательности бойцам и командирам Красной Армии, которая помогла народу края установить Советскую власть.

Город известен своими промышленными предприятиями. Продукцию некоторых из них знают далеко за пределами области. Так, люминесцентные лампы Степанакертского электротехнического завода освещают улицы Братска и Волжска, Сумгаита и Рустави, стройплощадки КамАЗа и новые поселки Мангышлака. Их можно увидеть на Асуанской плотине в Египте, на высокогорных дорогах Афганистана. Эти светильники имели успех и на Лейпцигской ярмарке.

Доброй славой пользуется продукция Карабахского шелкокомбината имени 26 бакинских комиссаров. Его директор Сергей Аванесович Хачатурян показывает нам цехи, говорит о планах дальнейшего увеличения производства продукции. Взглянув на часы, директор неожиданно пригласил нас к телевизору.

— Сейчас по бакинскому телевидению выступит наша ткачиха, депутат Верховного Совета СССР Роза Петросян.

Роза рассказывает телезрителям, что на комбинате вместе с армянами дружно трудятся азербайджанцы, русские, украинцы. Более двухсот человек работает уже в счет планов 1974—1975 годов. Асаида Орбелян уже выполнила свой пятилетний план. Пример в работе показывают Герои Социалистического Труда ткачихи Кнарик Аракелян и Гоарик Сарินян.

В Нагорно-Карабахском обкоме партии нам посоветовали побывать в колхозе «Коммунизм» — в селе Чартар, Марутинского района. «Это колхоз передовой,—сказали нам,— председателем там Сурен Арутюнович Адамян».

...Горная дорога делает крутой поворот и вбегает в село Чартар. Правление колхоза помещается в двухэтажном здании из розового камня. Тяжелая дубовая дверь, широкая каменная лестница, высокие потолки, окна большие и светлые. Все тут сделано добротно. Председатель уехал в соседний колхоз, вернется через час, и нам предлагают пока посмотреть село.

Неподалеку от правления — Дворец культуры. Именно дворец и по размерам и по архитектуре. Афиши сообщают о концерте Бакинской филармонии. Оказывается, здесь выступают и артисты московских, ленинградских театров. Когда они приезжают на гастроли в Баку или в Ереван, председатель колхоза непременно приглашает их к себе, в Чартар. Возле села среди фруктовых садов расположен Дом отдыха колхозника, с уютными спальнями, плавательным бассейном, спортивными площадками.

Примечательно: в селе мы не видели ни одного плохого дома. Все они просторные, прочные, с непременной телевизионной антенной на крыше. На кухне газовые плиты — газ привозной. Есть приусадебные участки.

Приехал председатель, и мы возвращаемся в правление. Сурен Арутюнович Адамян — Герой Социалистического Труда, кавалер трех орденов Ленина и ордена Трудового Красного Знамени. Уже 28 лет он бессменно возглавляет колхоз.

— Сначала жили бедно,— вспоминает Сурен Арутюнович,— а сейчас получаем чистого дохода полтора миллиона рублей в год. Занимаемся виноградарством и животноводством. Труд людей хорошо оплачивается, и они работают на совесть. Вот, например, животновод Абуш Саркисян от двадцати пяти коров получает по три тысячи литров молока в год. Другой колхозник — Артаваэд Аганян — собирает с одного гектара триста пятьдесят центнеров винограда. И таких тружеников у нас много.

— А молодежь из села не уезжает?

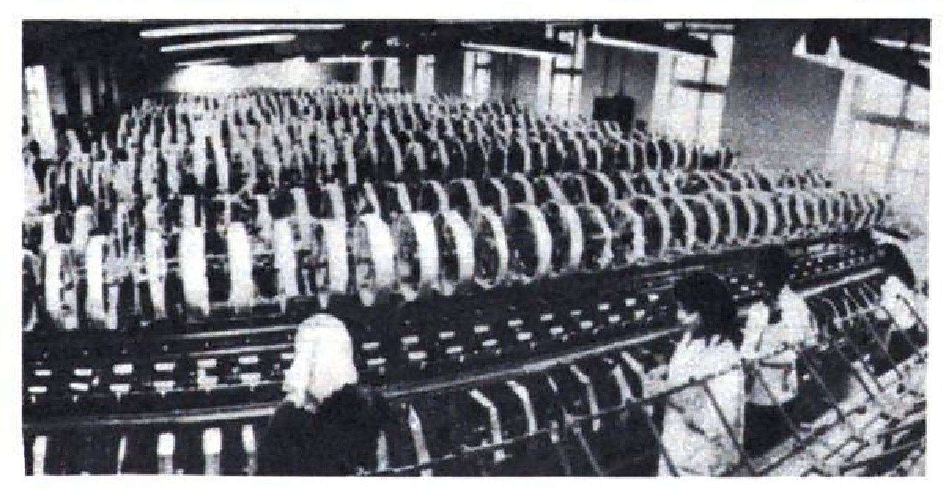
— Только на учение, а потом возвращается. В Чартаре пять школ, причем две из них десятилетки. Есть у нас и больница. Преподаватели и врачи все свои, колхозные. Наши бригадиры и заведующие фермами — это люди с высшим образованием. А главный зоотехник Ленорт Джавадович Маилян и агроном-виноградарь Джан Семенович Лалаян — кандидаты технических наук.

Сурен Арутюнович подходит к окну. Задумчиво смотрит на село, на пантеон, сооруженный колхозом в память погибших в Отечественной войне односельчан.

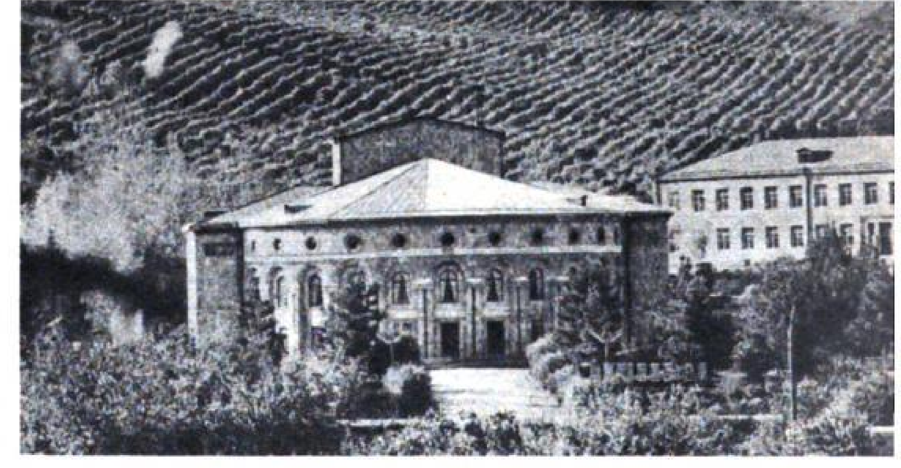
— Дети должны жить лучше отцов,— говорит председатель,— и наш Нагорный Карабах станет еще краше, еще богаче.

Кинотеатр «Россия» в городе Степанакерте.

ЖЕМЧУЖИНА ГОР

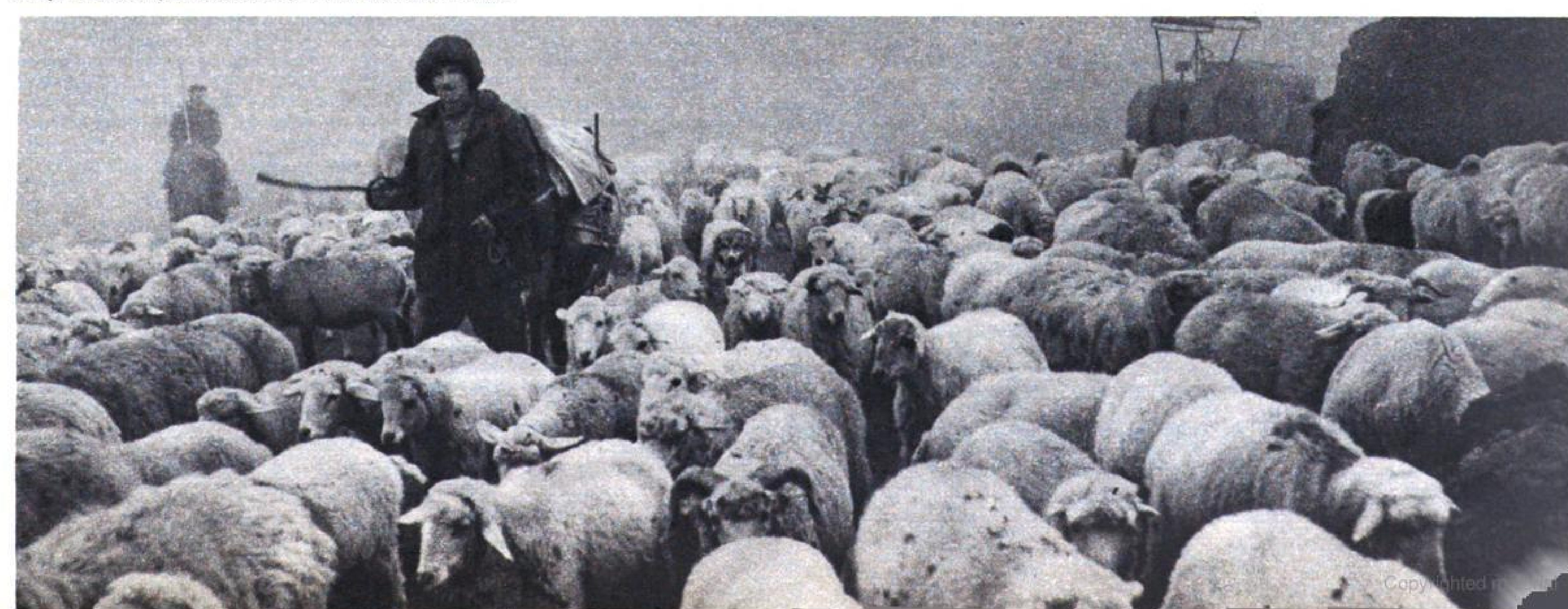

Карабахский шелкокомбинат имени 26 бакинских комиссаров.

Так выглядит Дворец культуры колхоза «Коммунизм» в селе Чартар.

Отары овец спускаются с гор на зимние пастбища.

ЛЮБОВЬ И РАДОСТЬ БЫТИЯ

Борис **ПРИМЕРОВ**

На всю жизнь запечатлеваются в душе тихие, спокойные вспышки на майском ночном небе — отдаленные молнии, дошедший до тебя их мирный отсвет... Наша память чем-то похожа на зарницу. Самые далекие события твоей судьбы и судьбы твоей земли, полузабытые дела и дни выхватываются у времени ее осторожным светом и становятся видны все разом — как на ладони.

...Сегодня, как никогда, свежа предутренней новью даль воспоминания. Будто наяву, он видит давнее свое лето, предгрозовое затишье родного края, обращенное к надвигающейся непогоде одинокое лицо луга. Всматриваясь в детали воображаемой картины, он невольно попадает под обаятельную власть былых впечатлений. Их множество, как в неколебимой вышине дождинок, еще не коснувшихся земной тверди. И все они складываются в одно круто меняющееся настроение природы. Может быть, состояние души, похожее на его теперешнее, испытывал человек не однажды, может быть, прекрасный миг единения с окружающим миром ощущали многие?! Но где взять силы, чтобы остановить это мгновение? Вот какой вопрос стоял перед ним; ибо он был творцом и в свои двадцать с немногим лет знал, что ему, Федору Васильеву, сумевшему первой же выставленной картиной распахнуть для людей окно в свой поэтический мир, дано на долгие годы сохранить для человечества свежесть неповторимых чувств.

Сегодня, в девятый день нового, тысяча восемьсот семьдесят второго года, жизнь кажется ему полной той благодатной, исцеляющей печали, той нечаянной радости бытия, какими едва ли не с детства были наполнены все его дни.

Властное дыхание ялтинского утра переполняет душу. Как далеко сейчас милые сердцу друзья, как хочется поделиться с ними увиденным и пережитым за время разлуки! Слова не утоляют жажды — он это знает, но разве можно в редкостные минуты счастья удержаться от соблазна и не послать письмо! И вот, набегая друг на друга, ложатся на бумагу обращенные к И. Н. Крамскому строчки:

«Из окна наслаждаюсь природой. Что за прелесть! Яркое, как изумруд, море усеяно катерами... У горизонта море принимает замечательно-неуловимый цвет: не то голубой, не то зеленый, не то розовый. А волны неторопливо идут, идут откуда-то издалека отдохнуть на берег... Совершенно особенное состояние воздуха. Нельзя сказать, чтобы лето; позднею осенью тоже нельзя назвать: нет, это...— южная зима».

...Говорят, что великие художники — в словах, красках или звуках — могут предугадывать свою судьбу. Говорят также, что жизненный путь художника со всеми его радостями и невзгодами предопределяет пути его искусства. Но в юности над этим никто не задумывается, ибо она дана человеку для земного счастья — счастья видеть и слышать, чувствовать и любить, запоминая не только каждый свой миг на земле, но и каждую каплю росы на ней, каждую луговую травинку. Да, он еще не знает, что жизнь обойдется с ним жестоко. Он полон желания работать, полон мальчишеского задора быть первым — даже среди старших своих собратьев по искусству. Впрочем, как ясные дни января в Крыму сменяются непогодой, так же скоро в настроение художника прокрадываются нотки горечи и уныния. И тогда его письма в Петербург и Москву полны удручающей в таком возрасте скорби.

«Дорогой мой Иван Николаевич!— пишет он, обращаясь к постоянному своему адресату И. Н. Крамскому.— Если бы Вы знали, как болезненно сжимается сердце от тяжкого предчувствия! Неужели не удастся мне опять дышать этим привольем, этой живительной силой просыпающегося над дымящейся водой утра?»

Располагающая к раздумьям теплая тишина огня восковой свечки — мерцает и тухнет. Он всматривается в расплывчатые очертания знакомой местности. Нет, пока ему не удается художественным инстинктом артистической своей натуры уловить атмосферу моря, пышную растительность побережья. Перед глазами все настойчивее встают неброские картины Среднерусской возвышенности. Воплощенные в его молодой памяти, они вот уже столько лет не дают умирать мысли и чувству. ...Лежит в незнаемой красе мокрый луг. Прошла внезапная, порывистая гроза. Ярче зелень и зримее синее небо. Бесчисленные слезы недавней непогоды еще не высушило солнце. Растерянность в шуме деревьев и травы приобретает почти человеческую одержимость. Всего полтора месяца понадобилось ему, чтобы вылить эту давно накопившуюся в душе песнь на полотно. Скоро новая работа живописца Федора Васильева появится на конкурсе Общества поощрения художеств. Но как ее встретят? Что представляет она собой: новое открытие или повторение уже найденного им однажды? Надолго оторванный недугом от столицы, от истинных ценителей прекрасного, он мучается одиночеством. К физическим страданиям прибавлены страдания нравственные, ибо, лишенный возможности сравнивать свои работы с выдающимися картинами современности, он невольно начинает думать, что, должно быть, действительно работает «хуже, чем мог бы при лучших условиях»... Сейчас бы махнуть, как в былые времена, с Шишкиным на Валаам или с Ильей Ефимовичем Репиным на Волгу. Кстати, вот уже сколько времени самый близкий и нежный его друг Крамской зовет в Воронежскую губернию на лето — вместе поработать, вместе отдохнуть. Но где там! Унявшись на время, кашель возобновляется с новой силой. Доктора неделями не выпускают из комнат. Да к тому же и денежные дела никак не поправляются. Растут долги. А ведь на нем — заботы о матери и меньших детях семейства. Правда, его не забывают товарищи. Общество поощрения ежемесячно присылает пособие; собираются даже послать его на лечение за границу. Впрочем, он, Федор Васильев, видит в этом не милость благодетелей, а заслуженное им внимание. Вот и сам великий князь соизволил заказать расхваленному живописцу несколько картин. Но как же скучно выполнять официальные заказы! Ведь он привык, сколько себя помнит, работать по вдохновению...

А помнил он себя с самого раннего возраста. Еще в детстве появилась тяга к рисованию. Васильевский остров, часто нервозный нрав Невы, холодные рассветы и закаты над тусклым оловом воды «смутно намекнули» ему на то, что он потом так неистово сумел воплотить в своем творчестве.

Родился будущий художник 10 февраля 1850 года в Гатчине, близ Петербурга. В семье мелкого почтового служащего Александра Васильева, где рос мальчик, бедность была частой гостьей. Недостаток средств побудил двенадцатилетнего подростка оставить начальную школу и поступить по протекции отчима на службу. С утра до вечера за три рубля жалованья бегал он с почтальонской сумкой с одной улицы на другую. Каково же было удивление домашних, когда после такого тяжелого дня юный письмоносец вместо должного отдыха усаживался где-нибудь в укромном уголке, чтобы никому не мешать, и рисовал, рисовал. Страстную тягу сына к искусству разделяла мать. Скудость дошедших до нас сведений из жизни художника не позволяет нам в полной мере представить себе, какую роль сыграла эта простая русская женщина в художнической судьбе Федора Васильева. Но одно несомненно: и в дни первых своих рисунков, и в годы зрелого творчества он считал ее самым лучшим своим критиком, «гораздо более толковым», нежели многие «из писак пером и из писак красками». Именно она настояла на том, чтобы показать первые опыты сына людям, причастным к живописи. При содействии И. И. Шишкина, в то время уже известного пейзажиста (он часто посещал семейство Васильевых и впоследствии женился на сестре художника — Евгении Александровне), мальчик был принят в рисовальные классы Общества поощрения художеств. Но главной школой для его таланта стали не эти занятия, правда, привившие ему многие навыки и технические приемы. Мастерством, формированием вкуса и чувства «соразмерности и сообразности», а также умением видеть в жизни и природе самое существенное Ф. А. Васильев обязан личному знакомству со многими выдающимися представителями отечественного искусства, а более всего — знакомству с творчеством таких разных по темпераменту и характеру художников, как И. И. Шишкин, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, Н. Н. Ге, А. К. Саврасов, М. К. Клодт... Жизнь в Петербурге, где к тому времени было одно из лучших собраний шедевров мировой живописи, также благотворно сказалась на развитии художнического мировоззрения Федора Васильева.

В 1867 году он успешно заканчивает Рисовальную школу Общества поощрения художеств. И, конечно, впереди — академия. Но, несмотря на то, что работы молодого живописца произвели большое впечатление на авторитетную комиссию и он был зачислен вольноприходящим учеником Академии художеств, заниматься ему там почти не пришлось.

Зимой 1871 года Федор Александрович Васильев простужается, спустя два года чахотка сводит его в могилу.

Ф. Васильев. 1850—1873. В КРЫМСКИХ ГОРАХ. 1873.

Государственная Третьяковская галерея

Ф. Васильев. ПЕРЕД ДОЖДЕМ.

Государственная Третьяковская галерея

ВИД НА ВОЛГЕ. БАРКИ. 1870.

Государственный Русский музей

Ф. Васильев. ПОСЛЕ ГРОЗЫ.

Государственная Третьяковская галерея

Ф. Васильев. ЗАБРОШЕННАЯ МЕЛЬНИЦА.

Государственная Третьяковская галерея

ОТТЕПЕЛЬ. 1871.

...Да, жизнь Федора Васильева была коротка, как внезапная предгрозовая вспышка на русском весеннем небе. Но почти мгновенный, негромкий свет ее мог бы стать темой целой повести. Обстоятельства его рождения и поныне находятся под покровом тайны. В паспорте, выданном Мещанской управой, значилось, что он «незаконнорожденный», то есть не имеющий права оставлять за собою фамилию и отчество своего отца. Такое обстоятельство наложило на будущего художника определенный отпечаток. Во всяком случае, он стыдился этого, как, впрочем, и своего «низкого звания», что, несомненно, вызывало удивление у многих людей в демократически настроенных кругах того времени. Едва ли не с первых шагов на поприще искусства ему покровительствовал известный меценат и коллекционер граф П. С. Строганов. Надо сказать, что в столице и за ее пределами ходили весьма недвусмысленные толки по поводу этой «опеки». Васильева считали внебрачным сыном графа. Тем ли объяснялся радушный прием, оказываемый юному художнику в имениях важного вельможи два лета подряд, или чем другим, сказать трудно. Для него же самого тогда важнее всего была полученная им возможность писать. Со всех сторон его обступили новые места, люди, новые впечатления.

«Вся жизнь наружу! Эти ветлы и избы, скот и люди складывались в такие полные жизни и силы картины, что невольно, долго после зажмуривались глаза и в голове поднималась картина, от которой опускались руки...» — писал художник.

В усадьбе именитого хозяина Федор Александрович жил среди густых запахов зреющих антоновских яблок, похожего на тающий снег цветения полевой кашки, среди полноты и довольства еще не успевших разориться «дворянских гнезд»... Казалось, сама судьба торопила его. Времени на длительный путь становления и на ученичество в его жизни не было. С неистощимым упрямством ребенка и с интуитивной точностью врожденного поэтического настроения он наносил на полотно все, что волновало его воображение. Он спешил запечатлеть окружающий его мир, и не просто запечатлеть — а наполнить его смыслом человеческого бытия. Удивительной прозорливостью отмечены рассуждения молодого художника о цели и главной задаче истинного живописца:

«Пейзажисты бывают двух родов: первый род пейзажистов происходит из бездарности, которая не в состоянии охватить человека, как большую задачу, а потому бросается на более легкое, как им кажется,— на камни, деревья, горы и т. д.; другой род — люди, ищущие гармонии чистоты, святости; они невольно становятся поклонниками природы, не находя ничего такого полного в человеке, этом венце творения. Почему имя Рафаэля знает каждый недикий человек? Потому, что он писал человека? Конечно, не потому: человека писали гораздо лучше его. Рафаэля знают потому, что он написал ч е л о в е к а, каким он должен быть, и как он далек от чистоты, святости, от всего, что он должен носить в себе, как венец творения».

Первые самостоятельные произведения Федора Васильева, находящиеся ныне в Русском музее, датированы 1867 годом. Последняя картина, купленная П. М. Третьяковым вскоре после написания, помечена годом смерти. В шесть лет, разделяющие две эти даты, уместился, по сути дела, весь творческий путь художника. Такого в истории живописи, пожалуй, не было. В одной из старых энциклопедий Федор Александрович Васильев был назван «основателем русского пейзажа настроения»... Непосвященному, не видевшему его холстов человеку это может показаться неправдоподобным. Еще бы! Самоучка, не получивший систематического академического образования (да и проживший всего чуть более двух десятков лет!), становится основателем школы! Но для России это было, может быть, даже характерно. Вспомним хотя бы имена Шаляпина или Горького...

Как известно, любое явление искусства нельзя рассматривать вне определенной исторической обстановки, вне «социальной ситуации», несмотря на то, связан был непосредственно художник с нею или нет. Нельзя произвольно «вынимать» это явление и из истории развития данного вида искусства. Поэтому, прежде чем остановить внимание на отдельных работах художника, попытаемся дать общую характеристику культурной жизни того времени. 1861 год всколыхнул всю Россию. «Народ освобожден, но счастлив ли народ?» — спрашивали себя вслед за поэтом многие представители передовой интеллигенции. 60—70-е годы — это не только время общего идейно-демократического подъема искусства, это также годы становления его новых норм и принципов, непосредственно связанных с эстетикой революционных демократов. Литературу представляет возникшее и сложившееся в то время демократическое по задачам и реалистическое по своему характеру направление «шестидесятников» (Г. Успенский, Ф. Решетников, Н. Успенский...). В музыке—это знаменитая «Могучая кучка». Художники объединились в Товарищество передвижных художественных выставок. «Передвижники» выступили за новое искусство, объявив непримиримую войну академии. И хотя по многим обстоятельствам участвовать в Передвижных выставках Федор Александрович не мог, задачи, стоявшие перед этой группой художников, он осознавал в полной мере и полностью разделял их взгляды. По характеру своего дарования это был иной художник, чем, скажем, Перов или Савицкий. Пейзажная живопись предполагает иное воздействие на зрителя, нежели жанровые, например, картины, где может быть непосредственно изображен какой-нибудь эпизод из жизни, достаточно ясно отвечающий на вопрос Некрасова, счастлив ли народ. Но верное, одухотворенное изображение живописцем природы может играть не меньшую роль в нравственном воспитании человека, считал совершенно справедливо Ф. Васильев, и когда создавал свои полотна, и когда в одном из писем говорил: «Если написать картину, состоящую из одного этого голубого воздуха и гор, без единого облачка, и передать это так, как оно в природе, то, я уверен, преступный замысел человека, смотрящего на эту картину, полную благодати и бесконечного торжества и чистоты природы, будет отложен и покажется во всей своей безобразной наготе».

В истории пейзажа предшественником Федора Васильева считают Сильвестра Щедрина. Как правило, проводят параллель между Васильевым и Шишкиным, между ним и плеядой молодых пейзажистов шестидесятых годов. Так оно и есть. Ему было дано чувствовать очарование русского пейзажа, ощущать мимолетную радость и торжественную грусть нашей природы так, что в каждом изображенном кустике, пригорке, облачке угадывалась Россия. Во время совместной поездки Репина и Васильева по Волге обоим художникам не раз приходилось наблюдать за работой друг друга. Автора знаменитых «Бурлаков» поражало в юном товарище все: и пристальная наблюдательность, и внезапная волна вдохновения, которая могла захлестнуть его в самый неожиданный момент, и раскованное мастерство. «Прелестно у него выходили на этюде с натуры эти лопушки на песке в русле Воложки. Как он чувствует пластику всякого листка, стебля... И как он все это острым карандашом чеканит, чеканит, как гравер по медной доске! А потом ведь всегда он обобщает картину до грандиозного впечатления»,— вспоминал позже Репин в своих мемуарах, давая предельно точную оценку сущности творческого характера Федора Васильева.

Если пристальнее вглядеться в полотна «Мокрый луг», «Перед дождем», «После дождя», «Рассвет», то мы увидим, что на них действительно нет ничего пышного, эффектного. Но как прекрасны и эта дышащая влагой трава, и стайка летучих берез в отдалении, и небольшой косогор, и русло, начинающее зарастать прибрежной осокой! И каким покоем вечности, какой неутоленной любовью веет от этих обычных, повседневных пейзажей! Должно быть, только чутко уловленное и переданное настроение природы позволило художнику добиться такой останавливающей дыхание законченности.

В элегических пейзажах Васильева небо почти всегда заполнено облаками. Они то легкие, как ветерок, бегущий по воде, то грузные, темные от пропитавшей их влаги. Облака — это кочующие думы природы. Они всегда смущали покой художника — и в угрюмой северной столице, где почти не исчезали с глаз, и на ласковой земле Крыма, где их недоставало. Они всегда напоминали ему о милой родине.

...Есть захватывающая протяженность когда-то проторенной русским человеком дороги. Сколько ей веков и куда ведет она путников? И когда даст им отдых — знойным ли летом, студеной зимою или в такую вот оттепель?.. «Оттепель» — это еще не наступившая весна, а предощущение ее теплых, погожих дней, это воспоминание о прошлой, благодатной вешней поре. Это — осторожное напоминание о седых сердитых метелях, чью холодную шубу — придет пора — обязательно пробьет первая солнечная капель. Далеко-далеко уводит воображение каждого, кто смотрит на эту картину. Нарастающая тоска о прожитых счастливых мгновениях овладевает сердцем. Неужели ты в мире только странник? И что ждет тебя там, впереди?.. Аккорды тихих музыкальных красок доносятся как бы издалека, заполняя все ощутимее плоскость холста. Сюжет этой картины, как, впрочем, и всех остальных полотен Васильева, предельно прост. Два человека, две маленьких песчинки выхвачены художником из океана жизни. Крестьянин с ребенком. Мы не видим их лиц, но сутулая спина старика и довольно повидавшая на своем веку котомка его говорят о многом. В стороне от дороги стоит ветхая, снегом укрытая деревенская изба. Над крышею — легкий теплый дымок. Но не свернуть путникам туда, не постучаться в дверь. Там и своего лиха хватает... А вокруг — на много верст ни одной живой души. Только голодные, вольные птицы на холодном сыром снегу. И волнующая мальчонку перелетная их доля чем-то похожа на людскую.

В 1871 году «Оттепель» заняла первое место на конкурсе Общества поощрения художеств. Годом позже академия отправила ее на Всемирную выставку в Лондон. И там картина вызвала всеобщее восхищение. Любопытен отзыв одной из английских газет: «Мы желали бы, чтобы г. Васильев приехал к нам в Лондон и написал бы наши лондонские улицы во время быстрой оттепели... Не он ли настоящий артист для этой задачи». Мало кто знал, что создателю этого небольшого, но прекрасного полотна едва минуло тогда двадцать лет.

Лебединой песней Федора Васильева мы называем пейзаж «В Крымских горах». Чем ниже опускались сумерки над днями художника, чем труднее становилось ему дышать, тем больше хотелось воздуха, неба, света. И он пишет сосны, крепко держащиеся корнями за землю и так же властно тянущиеся верхушками ввысь. Символичность этого замысла не надо объяснять.

В начале марта 1873 года картина была отослана Ивану Николаевичу Крамскому для передачи ее на очередной конкурс Общества поощрения художеств. С нетерпением ждал измученный, больной человек вестей с выставки и особенно — слова умудренного житейским и художественным опытом друга. И письмо пришло быстро, а в нем была такая оценка его последней работы, какую доселе еще не приходилось слышать. «Настоящая картина,— писал Крамской,— ни на что уже не похожа, никому не подражает, не имеет ни малейшего, даже отдаленного сходства ни с одним художником, ни с одной школой. Это что-то до такой степени самобытное и изолированное от всяких влияний, стоящее вне всего теперешнего движения искусства, что я могу сказать только одно: это еще не хорошо, т. е. не вполне хорошо, даже местами плохо, но это — гениально...»

Успех нового творения был решительный. А художнику оставалось жить несколько месяцев. Но, несмотря на это, редко, лишь во время самых жестоких приступов чахотки, он выпускал из рук кисть. Лирическая нить между его сердцем и природой ни на минуту не обрывалась.

Сейчас, когда весь творческий путь Федора Александровича Васильева освещается уже «дальним» светом прошедшего с тех пор века, мы можем допустить условное смещение действительных временных пластов и произнести от его имени слова другого таланта — поэта И. А. Бунина:

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.

Вместе со всеми ракетчиками и артиллеристами Советской Армии встречают свой праздник воины подразделений противотанковых управляемых ракетных снарядов (ПТУРС). В учебных классах и на полигонах они успешно овладевают самым современным и грозным противотанковым оружием.

Эти корреспонденция и фотографии сделаны специальным корреспондентом «Огонька» Г. МАКАРОВЫМ. Накануне праздника он побывал на занятиях воинов-артиллеристов, наблюдал первые боевые пуски, которые выполняли молодые операторы-наводчики.

Вспоротое воронками, перепаханное гусеницами и колесами, изрытое солдатскими лопатами поле. Злые порывы ветра метут и бросают в лицо колючий песок, обрывают последние листья с кустов и редких деревьев. Из-за далекого пригорка вынырнул танк, и тут же над полигоном вспыхнула яркая малиновая звезда, нырнула вниз и помчалась над самой землей, плавно доворачивая в сторону движения танка... Навстречу броне вышел ПТУРС (противотанковый управляемый реактивный снаряд) — одна из самых маленьких и самых молодых в семействе ракет. Мощная струя раскаленных газов его заряда не знает преград и пронизывает любую броню, а вероятность попадания большая.

На первый взгляд все кажется простым. Вот цель, а вот пошел снаряд. Потянул рукоятку управления на себя — снаряд идет вверх, наклонил вперед — ПТУРС ныряет вниз. Ручка влево — и снаряд туда же. Сажусь на место оператора-наводчика и смотрю в окуляр прибора — цель как на ладошке. Левой рукой жму кнопку пуска, и в поле зрения вспыхивает яркая точка — ПТУРС стартовал. Он выше и правее цели. Наклоняю рукоятку управления влево и вижу, как снаряд послушно идет влево. Хорошо, теперь ручку от себя. Звездочка идет вниз. Еще вниз, еще — и вот она уже закрывает собою цель. Так держать! Но не тут-то было, снаряд ныряет вниз и влево. Он вот-вот клюнет землю. Тяну его обратно, нет, мимо... Еще раз пытаюсь совместить снаряд и цель — напрасно, истекает время полета, уходит от цели и непослушная звездочка.

— Попробуем снова,— говорит офицер Островский.

Вновь и вновь жму кнопку пуска, взмокшими руками веду снаряд. Результаты плачевные.

— Не огорчайтесь,— успокаивает Виталий Яковлевич,— чтобы добиться хороших результатов и стать настоящим оператором, необходимо произвести не одну сотню таких вот тренировочных, или, как мы их называем, электронных, пусков.

Он заменяет меня за пультом тренажера, и я вижу, как вспыхнувшая на экране световая точка снаряда уверенно, не рыская по сторонам, не прыгая, направляется к движущейся цели, сливается с ней и уже не выходит за ее габариты. Да, вот это почерк мастера!

Утром следующего дня боевые машины выдвинулись из леса, заняли огневые позиции. Здесь, на широком просторе, они кажутся совсем маленькими, незаметными и безобидными. Закрыты все люки, только широко распахнутые голубые зрачки прицелов устремили холодный взгляд вперед.

— Капонир, я 41-й, я 41-й, к стрельбе готов! — доносит рация доклад экипажа.

На марше.

— 41-й, я — Капонир. Ориентир — 2, вправо — 10!

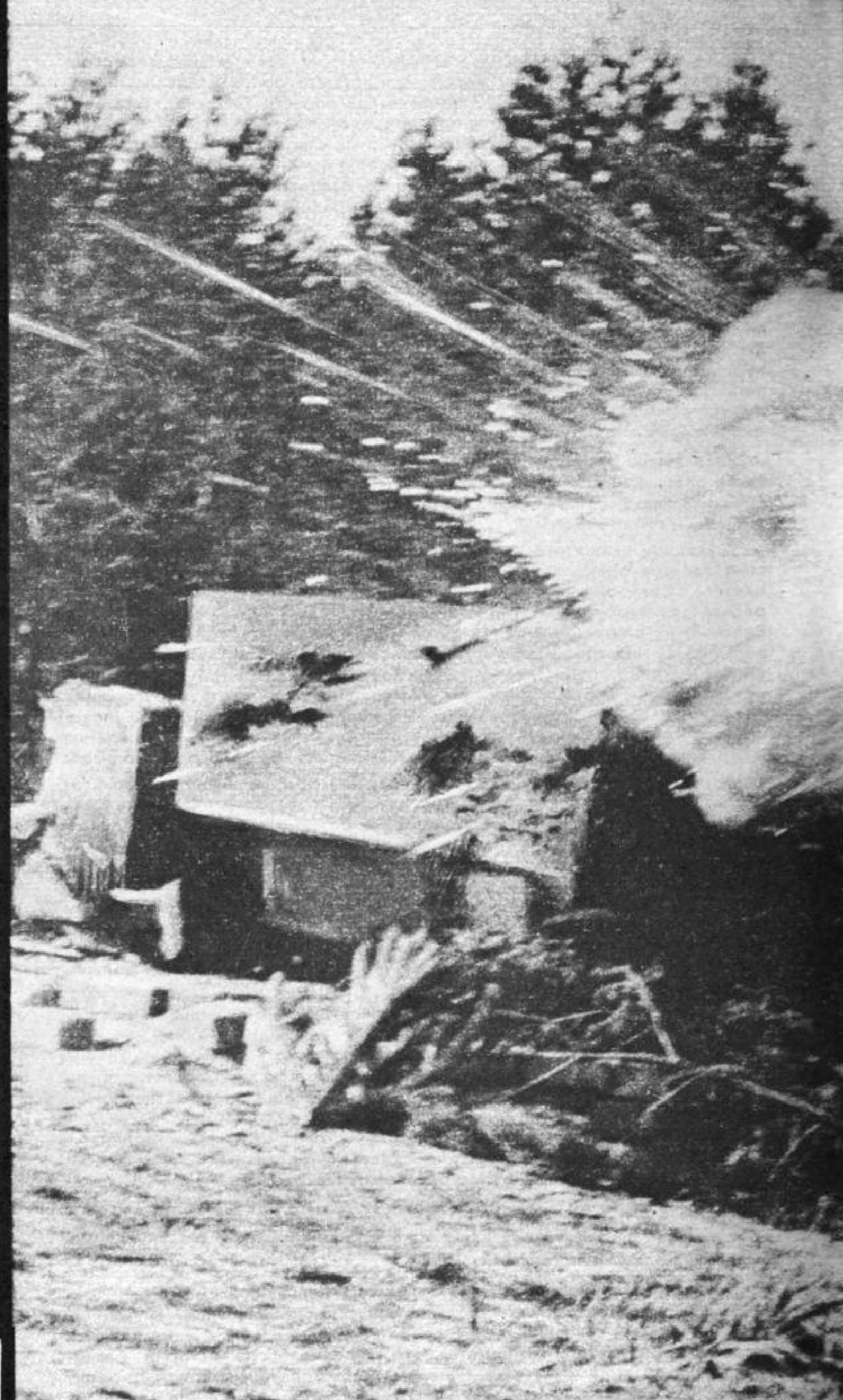
— Понял — цель вижу!

— Уничтожить цель!

Вспыхивает алая молния и, слегка качнувшись, стремительно мчится к горизонту, к едва различимой невооруженным глазом мишени. Кажется, быстро уменьшающийся огонек пройдет где-то в стороне... Но нет, подчиняясь воле оператора, он делает плавный поворот, и мишень исчезает, будто ее не было вовсе. Несколько секунд спустя до нас доносится гул разрыва. Радио сообщает:

— Капонир, я 41-й, цель уничтожена. Расход снарядов — один.

Операторы докладывают командиру батареи капитану Борису Лавриенко о выполнении задания. И трудно определить, кто из них более счастлив — молодые солдаты, первым своим боевым пуском поразившие цели, или командир, обучивший их мастерству. Во всяком случае, показалось, что, не будь здесь лишних глаз и не будь устава, регламентирующего взаимоотношения между военнослужащими, командир батареи охотно расцеловал бы каждого из этих раскрасневшихся от радости парней.

Неотвратимый удар.

СЧАСТЬЕ

Командир передовой батареи коммунист капитан Борис Лавриенко.

КОМАНДИРА

ПТУРС набирает скорость.

Оператор-наводчик Юрий Бабарыкин перед первым боевым пуском, который он выполнил отлично.

Сергей НИКИТИН

Рисунки С. БРОДСКОГО.

ДВА РАССКАЗА

ЛИСТОПАД В БОЛЬНИЧНОМ ПАРКЕ

После жаркого лета встала какая-то медленная осень — в октябре деревья были еще зелеными, и тепленькие дождички стали выгонять на газонах иглы свежей травы. А потом вдруг вслед за тихой звездной ночью часа на три завернул сверкающий солнцем, инеем и перепончатым ледком лужиц утренник, и в больничном парке полетела золотой метелью листва вязов.

С непокрытой головой, завернувшись в теплый халат, чудесно было бродить в этой студеной свежести, в синеве, в золоте.

Здесь, за Сокольниками, было тихо. Трамвайный грохот Стромынки слышался лишь по вечерам отдаленным рокотом. Весь этот день сухой шорох палого листа стоял в парке, и под ногами гуляющих, под метлой дворника не утихал все тот же, похожий на шипение шорох.

Не один я, пренебрегая режимом, не ушел после обеда на тихий час. Было жалко проспать этот час, быть может, единственного дня осени, одаренного теплом грустного октябрьского солнца. С десяток выздоравливающих сидели на лавочках и прохаживались в глубине парка, за виварием, где их не было видно из окон больничных корпусов. Знаком мне был только актер театра кукол, маленький, широколобый, с заостренным к подбородку лицом человечек с таким неожиданно низким для его телосложения голосом, что, не спрашивая, я знал, что в амплуа его должны были входить не иначе как волки, медведи, Карабас Барабас. Он сидел, завернувшись в длиннополый халат, а рядом с ним на лавочке, на подстилке из желтых листьев, лежала большая матово-зеленая кисть винограда. Актер не притрагивался к ней, и я догадывался, что виноград был припасен для маленькой обезьянки Мими из вивария.

Под виварий была оборудована церковь краснокирпичной кладки с голубыми изразцами над папертью. В давние времена здесь была богадельня и у призретых в ней стариков имелась своя церковь. Со снятыми куполами, служа другому богу, стояла она и поныне, и такие же кирпичные корпуса больницы и корявые, выше корпусов вязы парка были тоже от тех давних времен. Вязы старели. Сменить их должны были каштаны. Они уже вымахали вполколокольни, и прижившаяся здесь их южная красота вызывающе выступала темной сочной зеленью на фоне поблекших стариков вязов. В это жаркое лето каштаны, должно быть, буйно цвели, и теперь среди их лапастых листьев пряталось много плодовых шишек. За ними, досадливо нарушая тишину этого хрупкого дня, охотились трое парней в пижамах. Один из них, стоя в развилке дерева, колотил по тонким ветвям палкой, а двое других подбирали похожие на маленьких ежиков шишки и со всей силой шлепали их о кирпичную стену вивария, чтобы расколоть и достать блестяще-коричневое налитое ядро.

Актер смотрел на парней и мученически кривил свое треугольное лицо. Вдруг он оживился, заерзал на лавочке и улыбнулся. С бокового крыльца вивария спускалась Настя-Кнопка, неся на руках обезьянку Мими, завернутую в полинявшее байковое одеяло.

Настю-Кнопку знали все выздоравливающие, со скуки навязчиво осаждавшие виварий, чтобы поглазеть на животных. Настя непреклонно стояла на страже покоя своих подопечных обезьян и кроликов, а слишком напористое любопытство пресекала таким крепким словцом, что одни — поделикатней — конфузились, другие — побойчей — давились хохотом и отступали. Лишь актеру было позволено иногда приносить для Настиной любимицы Мими что-нибудь из фруктов.

Хоть и говорится, что маленькая собачка — до старости щенок, Настя-Кнопка при всей ее точеной миниатюрности была все-таки рано состарившейся женщиной, и все женские ухищрения — крашенные в соломенный цвет волосы, подведенные брови и губы, серьги с красными стеклышками — делали ее только жалкой, а в глазах молодых парней и смешной. Наверно, они и прозвали Настю Кнопкой, затушевав этим прозвищем и ее отчество и фамилию.

Спустившись с крыльца, она села рядом с актером и, выпрастывая из одеяла ручки Мими, сказала:

— Пусть понежится на солнышке. Зябнет. Никак нам еще не прогреют наши кирпичи.

Мими проворно схватила тонкой волосатой ручкой протянутую актером кисть винограда, но есть не стала, а вся зарылась в одеяло и, спрятав где-то там лакомство, снова высунула свою маленькую головку с плотно прижатыми ушами. Выражение мордочки у нее было грустное.

— В бананово-лимонном Сингапуре...— вздохнув, сказал густущим басом актер.— Откуда она?

— А кто ж знает? Должно, сухумская,— ответила Настя.

Она держала обезьянку бережно, как ребенка, и та жалась головкой к ее плечу.

— Жалеешь? — спросил актер.

— Люблю я их, хвостатых-мохнатых, балую,— сказала Настя и, протягивая руку, крикнула парням: — А дайте-ка нам, мальчики, орешков поиграть!

— Рублишко,— засмеялся парень с длинными мягкими локонами, изрядно засалившимися в больнице.

Он шутил, но было в его мгновенном, го-

товом ответе что-то затверженное, ставшее манерой — развязной, нагловатой,— и шутка не получилась.

Настя опустила руку. От какого-то недуга руки у нее всегда мелко тряслись, тряслась и голова, приводя в дрожь все ее ранние складки на лице, а когда она сердилась, то начинала еще и заикаться.

— Д-дай,— сказала она.

Парень, конечно, понял, что шутка его, как говорят, не прозвучала, но из упрямства и злясь то ли на себя, то ли на эту неприятно дрожащую Настю-Кнопку, он опять сказал, пересыпая каштаны с ладони на ладонь:

— Рублишко!

— Вот д-дурачок,— сказала Настя.

— Я?— ломался парень. — На рынке по четыре рубля за килограмм продают, а я мартышке отдай? Все равно твою мартышку врачи замучают, а потом шприц в задницу — и привет.

— Д-дурак! Злой дурак! — взвизгнула Настя и, прижимая к себе обезьянку, путаясь в размотавшемся одеяле, бросилась на крыльцо.

О каменные ступени тяжело и мокро шлепнулась гроздь винограда. Все мы, оцепенев, молчали.

— Др-р-рянь! — на весь парк рявкнул актер.

Вокруг нас мгновенно стали собираться гуляющие.

— Кого ты обидел? — гремел актер. Он, может, рад был бы говорить тише, не привлекая всеобщего внимания, но это у него просто не получилось.— Тебя спрашиваю! Не прячь глаза! Кого ты обидел?

Парень натянуто улыбался. В нем, видимо, боролись смущение и давно усвоенная манера держаться независимо, напористо, нагловато.

— А что я ей такого сказал? — с усилием выдавил он.

Обращаясь уже не к нему да, пожалуй, и вообще ни к кому из нас, актер медленно заговорил. Бас его спустился до предельных низов и был как рокот потока в глубоком ущелье.

— Представьте ее осьмнадцатилетней санитарочкой на фронте... Маленькая, щупленькая девочка... Сапожки тридцать второго размера на заказ... В Пинских болотах вытащила на себе из-под огня восемнадцать раненых. Последний сам тащил ее и подорвался на мине. С тех пор она трясется от контузии, не может ни писать, ни лекарства накапать, ни укол сделать, и всю жизнь только ухаживала за больными, а теперь вот за животными, потому что уж и полный стакан чаю подать не может.

— Откуда вы это знаете? — спросил парень, не тот, что носил длинные локоны, а другой, что все еще стоял в развилке каштанового дерева.

— Знаю, и все тут,— ответил актер.

— А может, враки? — усомнился теперь уже тот самый парень, с локонами.

Актер встал. Халат не по росту повис на нем чуть не до земли. Это делало маленького актера с его широким лбом похожим на бродячего античного мудреца в бедной тоге.

— У нее есть орден за этот подвиг. Единственный. Но зато главный, высший орден страны,— сказал он и мелкими шажками пошел по дорожке, выстланной желтой листвой старых вязов.

СОЛИСТ

Мы слушали очень хорошего певца и вышли из зала притихшие, боясь расплескать то сложное настроение восторга, грусти, окрыленности, какое способна создать только музыка.

Был тихий морозный вечер. Острый пушок инея игольчато сверкал на тротуарах, крышах, заборах, фонарных столбах. Фонари висели в темном воздухе, как огромные фиолетовые пузыри. Замерзшие окна троллейбусов светились изнутри рыже и тускло.

Кто-то один из нас вздохнул, и, вторя ему, все тоже дружно вздохнули.

— Если бы у меня был голос! — сказала женщина, любившая попеть слабым, еле слышным голоском для себя, когда шила, или готовила обед, или в нестройном хоре праздничной компании.— Если бы мне голос, я бы охотно пела людям, где только можно. Без просьб, без уговоров, без бисов, без аплодисментов... Пусть меня ненадолго хватило бы, но я пела бы всюду: на сценах, площадях, в ресторанах, с балконов...

— Да, это, пожалуй, счастье — петь людям и видеть, что голос твой находит отзвук в их душах.

Это сказал сослуживец той женщины — невысокий застенчивый человек в большой мохнатой шапке, точно придавившей его своей громадностью, и, видно, почувствовав несоответствие своего облика с высокой патетикой сказанных слов, добавил смущенно:

— Эко я кудряво загнул.

Мы опять шли молча, прислушиваясь к себе и к хрусту инея под ногами, потом тот самый маленький человек в шапке задумчиво сказал женщине:

— А может, одного голоса-то и мало... Вот я давеча в зале видел слезки у вас на глазах, и за это певцу честь и хвала. Но, пожалуй, даже этот народный певец не может похвастаться таким успехом, какой имел однажды аз многогрешный.

Мы остановились, точно враз примерзли к тротуару.

— Ну, уж вы того...

— Как это?

— Когда?

— Вы?..

— Представьте себе, я,— сказал человек в шапке.— Многие ли сегодня в зале плакали? Вот вы, ну еще, может быть, три-четыре чувствительные дамочки. А я однажды вызвал слезы всего зала. Там было больше трехсот женщин, и все не просто тихо пускали слезу в платочек, а рыдали откровенно и громко.

— Ну, это уж похороны какие-то,— сказал один из нас.

— Никакие не похороны, а обыкновенный концерт самодеятельности в фабричном клубе. Мне тогда было лет девять, и жил я с матерью в ткацком поселке. Маленьком таком, глухом, с одной фабрикой и станцией, где останавливался один поезд в сутки. Ну, сами догадываетесь, война тогда была. Поселок затемнен, холодно, голодно, ткачихи по двенадцать — восемнадцать часов из цехов не выходят... Ветер, помню, в этом поселке как-то особенно уныло свистел, подлец. Там росли высокие тонкие сосны, вот он на тоскливых струнах... Клуб был кубическое, очень неуютное сооружение. Не отапливалось, конечно. И вот там наша школьная самодеятельность давала концерт. Собрались ткачихи — полный зал, сидели в пальто, в платках. Мужчин ни одного. Воздух в клубе от дыхания отсырел, и пахнуть стало, как в ткацком цехе, жирной влагой, хлопчаткой. Старшеклассники разыграли какую-то партизанскую пьесу, спели про синий платочек, поплясали, а потом вышел на сцену я. Что такое было тогда это «я»? Востроносая синюшная рожица, тонкая шея в хомуте широченного воротника, огромные валенки с голенищами раструбом... Петь мне нужно было какую-то артековскую песенку, слова которой и сейчас не помню и тогда забыл, как только очутился перед залом. Учительница пения пробренчала на промерзшем клубном роялишке вступление, а я молчу. Она опять дала вступление — молчу. Учительница старается подсказать мне слова, шипит что-то по-гусиному, но я уж ничего не воспринимаю, обалдел совсем от стыда и вдруг, не знаю сам как, запел без сопровождения первое, что пришло в голову. «Позабыт, позаброшен, с молодых юных лет я остался сиротою, счастья-доли мне нет». Учительница убежала. В зале тишина стоит мертвая, и только голосочек мой слабенький вызванивает: «Вот умру я, умру...» Слышу, в зале женщины начали всхлипывать, а когда я спел про могилку, на которую, знать, никто не придет, ударились все в голос. Никаких аплодисментов мне не было, и бисов не было, но знаете, что женщины кричали из зала? «Ничего,— кричат,— малец, не пропадешь с нами, прокормим, не бросим...» И все в таком духе. Мы с матерью были

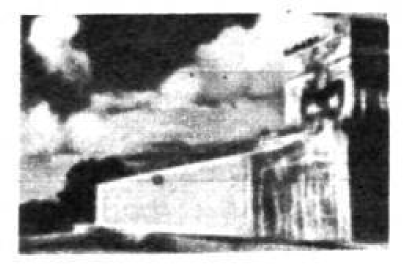
эвакуированные, почти никто не знал нас в поселке, и ткачихи приняли меня за настоящего сироту. Вот вам и голос... Не голос пел, а горе. А оно жило тогда в каждом сердце...

Он замолчал, и так как мы продолжали идти молча, воскликнул, видимо, желая привлечь наше внимание к главному в своем рассказе:

— А женщины-то! Ткачихи-то! «Не бросим,— кричат,— прокормим...» Каковы, а?

МЕКСИКА

Древний стадион, открытый археологами.

ПРОИГРАВШЕГО — В ЖЕРТВУ БОГАМ

Археология Мексики обогатилась еще одним интересным открытием. В древнем городе майя Чичен-Ице обнаружен огромный стадион. Обширный, тщательно вымощенный корт обнесен высокой стеной, украшенной барельефами. При раскопках найдены каучуковые мячи, фигурки и настенные изображения индейцев, играющих в мяч.

По археологическим находкам можно воспроизвести даже внешний облик игроков и сам процесс игры. В каждой команде было до 11 участников, их «спортивная одежда» состояла из наколенников и толстых широких поясов, сплетенных из тростника или кожи. Шесть барельефов наглядно повествуют о древнем «футболе».

Археологические находки подтверждают известные ранее историкам из испанских хроник описания этой игры. Ацтеки называли ее тлачтли.

Хроники с содроганием описывают жестокую схватку, заканчивавшуюся ритуальным жертвоприношением. Играли большим каучуковым мячом. Состязания были настолько суровыми, что обычно два-три игрока, не выдержав темпа, падали замертво. Капитан проигравшей команды тут же по окончании игры приносился в жертву богам.

Испанских колонизаторов чрезвычайно заинтересовала игра, их воображение поразил каучуковый мяч,— каучук в то время вообще не был известен в Европе. Предводитель конкистадоров Кортес настолько увлекся тлачтли, что, вернувшись в Испанию, инсценировал ее при дворе короля Карла V. Успех был потрясающим. Так древняя мексиканская игра завоевала признание Старого Света.

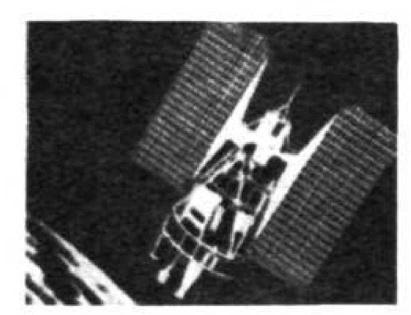
Так выглядел футболист доколумбовой Мексики.

Специалисты, занимающиеся изучением истории народов Центральной Америки, считают тлачтли частью религиозного ритуала мексиканских индейцев.

В конце стадиона расположена прямоугольная платформа с резным барьером, а вокруг нее — частокол из человеческих черепов. Таков был конец незадачливых игроков. Вопли современных болельщиков: «Судью на мыло» — оказывается, имеют древние «истоки».

США

Спутник «ЕРТС».

КОСМОС — ЗЕМЛЕ

«ЕРТС» — орбитальный спутник для исследования земных ресурсов, запущенный в США. Уже больше года он исправно помогает людям в их земном хозяйстве.

К помощи «ЕРТС» прибегают ученые всех специальностей. Океанологи хотят знать о подводных мелях, мешающих судоходству, о морских глубинах и маршрутах косяков рыбы; работники сельского хозяйства — о сезонных изменениях растительности для составления графиков полевых работ; лесоводы — о границах распространения лесных пожаров, чтобы вовремя принять меры по борьбе с ними.

Сведения, собранные спутником, поступают в Контрольный центр в Гринбелте (штат Мэриленд).

Особенно повезло картографам. «Первое открытие, сделанное с помощью «ЕРТС», заключается в том, что, оказывается, все наши карты устарели,— заявили они.— В Калифорнии, например, обнаружены разрывы земной коры, о которых никто и не подозревал».

Как на ладони, видны и такие «плоды» человеческой деятельности: загрязнение окружающей среды, эрозия почвы, обмеление рек. Ученые надеются, что своевременно полученные данные о загрязнении водоемов, в частности Великих озер, позволят принять действенные меры к их спасению.

МОНГОЛИЯ

Загадочная плита, найденная при раскопках в Юго-Восточной Монголии.

АРХЕОЛОГИ — ЛИНГВИСТАМ

Недавно монгольские археологи нашли каменную стелу, испещренную таинственными письменами. Что это за письмена? Лингвисты и историки пытаются расшифровать надписи, но сделать это очень трудно, потому что ни язык, ни народ, который писал на этом языке, науке неизвестны.

Длина древнего памятника — 120 сантиметров, ширина — 50. Ученые полагают, что могильник, на котором лежала плита, был разграблен очень давно. Дату погребения пока установить не удалось.

БОЛГАРИЯ

ТРАНЗИСТОРНЫЙ ВЕЛОСИПЕД

Эту необыкновенную машину сконструировали сотрудники Софийского института двигателей и автомобилей и Центральной электрохимической лаборатории Болгарской Академии наук. Новая модель — третья в мире. Электронная схема на транзисторах плавно изменяет скорость электродвигателя.

Электропед красив и удобен в эксплуатации. Руль и сиденье подвижны, их можно регулировать в соответствии с ростом владельца.

Конструкторы предполагают довести скорость машины до 70 километров в час. В 1974 году запланировано выпустить 500 машин.

ФРАНЦИЯ

«ТЕЛЕФОННУЮ БАРЫШНЮ» ЗАМЕНИЛ «ПЛАТОН»

«Платоном» назвали французские конструкторы свое детище — электронный автоматический коммутатор. Это настоящая ЭВМ. Счетно-решающее устройство позволяет на одной линии соединять несколько абонентов одновременно. Таким образом, по одной паре проводов можно вести сразу до 30 разговоров.

Реконструкция касается лишь подстанций, абонент по-прежнему пользуется привычным телефонным аппаратом.

ЯПОНИЯ

МИНИ-ДЕРЕВЬЯ

Искусство выращивания крошечных деревьев — бонсай — возникло в Японии, и до сих пор мало кто умеет разводить эти удивительные растения.

Самое высокое деревце бонсай — не более двух футов, а самое маленькое — не выше одного дюйма. Теоретически почти все породы хвойных и лиственных деревьев могут стать в процессе «воспитания» столь миниатюрными, но ботаники предпочитают работать с такими породами, как сосна, дуб, клен,— они лучше «смотрятся».

Наиболее популярный стиль искусства бонсай — это дерево на скале или миниатюрный лес.

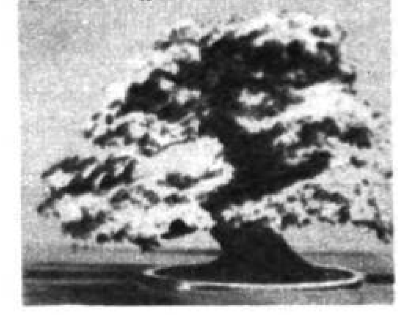
На фотографии деревья выглядят как настоящие. На самом же деле японская сосна всего в 21 дюйм, а клен — в 28, но он уже стар — ему 93 года. Мини-деревья могут быть столетними, но рост их по-прежнему останется маленьким.

Кроме Японии, уникальная коллекция крошечных деревьев есть в Бруклинском ботаническом саду в Нью-Йорке.

О. ПЕРФИЛОВА

Так выглядит миниатюрный лес.

ЛЮБОВЬ К ЗЕМЛЕ

Юрий СБИТНЕВ

Фото В. СВАРИЧЕВСКОГО.

Я никогда не видел в Узбекистане низких облаков. Небо тут даже в самое пасмурное время высокое и всегда просторное. Вот и тогда облака шли высоко над землей, силясь закрыть обильное и щедрое солнце. Несколько раз на дню пытался моросить мелкий дождь, и откуда-то с севера приходили зябкие ветры. Они поднимали с проселков пыль, и пыль эта легкими смерчами громоздилась над ровными, уже вспаханными картами хлопковых полей. Синоптики предсказывали непогоду. Обильные осадки и даже снег. Но весна чувствовалась во всем: в первой зелени на деревьях, в первом противоборстве холодным ветрам дыхания тепла, в лицах людей, в запахе свежевспаханной земли, в запахе, который, пожалуй, нельзя сравнить ни с чем на свете. Запахе земли, готовой принять в себя семя.

В тот весенний день мы колесили по дорогам Аккурганского района с секретарем райкома партии Синтом Меметовичем Таировым. День этот был самым обычным в районных буднях секретаря. Но показался он мне тогда (это ощущение не оставило меня и до сих пор) необыкновенно долгим. В него вместилось столько нового, волнующего и поистине интересного, что я до сих пор не могу понять, как же можно столько пережить, открыть и познать для себя всего в один коротенький день жизни. И еще вместилась в этот день большая Человеческая Любовь к Земле. Я пишу эти слова с заглавной буквы только потому, что уверен: любовь к земле — самое прекрасное, что может быть в человеке. Она вмещает в себя все: любовь к Отчизне, долг, преданность, честь, материнскую любовь и любовь сыновью — все, все включают в себя эти два слова: любовь к земле.

Она, большая и преданная, сопутствовала нам в тот необыкновенно долгий день весны 1973 года. Секретарь райкома партии и бригадир, колхозный механизатор, седой дехканин и совсем молоденькая, только что со студенческой скамьи девушка-агроном, с какой-то едва уловимой нежностью пересыпающая из ладони в ладонь семена хлопчатника. Все они были полны любви к земле. И говорили тогда о ней, о земле. А земля лежала перед ними открытая, еще не тронутая всходами будущего урожая. Еще ждала и ждала от людей любви. Потому что труд — это тоже любовь.

Таиров рассказывал мне тогда о прошлом и настоящем района, говорил о будущем. И это будущее не было какой-то отдаленной от нас мечтой, казалось, что оно стоит рядом. Еще не начинался сев, а секретарь райкома говорил:

— В этом году думаем собрать по району сто тысяч тонн хлопка. Не просто думаем, а уверены в том, что соберем. Планы наши не благие обещания. Сейчас пришло такое время, когда мы можем точно, на научной основе предвидеть урожай. Сделать все для его обеспечения, и главное, что раньше считалось самым трудным, собрать урожай.

Сто тысяч тонн хлопка собрать в одном районе! Это показалось тогда мне, хотя и очень точно и научно аргументированной, но все же мечтой человека, влюбленного в землю. Я представил на своей ладони крохотный, почти невесомый белый комочек волокна, и, честное слово, на миг стало тревожно за ту прекрасную мечту, о которой так обыденно, апеллируя к цифрам, говорил секретарь райкома. А он продолжал:

— Конечно, вся наука, все знания, которые приобрел хлопкороб, вся та удивительная даже для XX века техника, пришедшая на колхозные и совхозные поля, не смогут совершить задуманного, если мы не помножим все это на любовь человека к земле. Любовь к земле — труд, большой, повседневный, самоотверженный.

— Но сто тысяч тонн хлопка убрать с полей одного района,— сказал я,— по-моему, такое и любви не под силу.

Таиров как-то так, по-своему улыбнулся, а улыбаться он мог совершенно неожиданно, открыто и восторженно, помолчал немного и сказал:

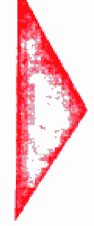
— Любовь необорима, для нее нет преград.— И добавил: — Если это настоящая любовь. А в нашем деле — в моем, вашем, в деле всего нашего народа ничего не настоящего быть не должно.

К вечеру того дня в колхозе «Москва», который, кстати сказать, третий год подряд первым выполняет план по сбору хлопка в области и получает, как это принято говорить, на круг с одного гектара до сорока центнеров урожая, проводили пробный сев.

На хлопковую карту пришли две сеялки, собралось необычно много для такого дела народу. Защелкали затворы фотоаппаратов. Еще бы: первая сеялка в поле весны третьего, решающего года! Это — событие. Я внимательно вглядывался в лица собравшихся. Они были обычными, лица людей, привыкших делать свое дело. Даже в них, в людях, каждодневно обращающихся, как говорится, на ты с землей, было что-то такое, что бывает с человеком, пришедшим на первое свидание. За кажущейся обычностью слов, действий, поступков, неожиданных шуток стояло нечто такое, что возвышает человека и делает его красивее и чище.

Присев, хлопкоробы трогали руками землю, пересыпали ее из ладони в ладонь, пропускали меж пальцев. Нет, они не священнодействовали, не старались по запаху и цвету земли, как это делали мудрейшие из их дедов, определить, пора или не пора сеять. Они просто ждали, когда отрегулируют сеялки и заревут моторы тракторов. Но все же по древней крестьянской привычке ласкали землю перед тем, как свершить это земное чудо, великое таинство сева. Люди с высшим специальным образованием, агрономы и механизаторы, партийные работники, ученый (секретарь райкома партии — кандидат экономических наук) — все они, так много знающие о земле, словно бы невзначай касались ее своими руками. И в этом было то, что зовем мы любовью к Родине, кормилице-матери.

И вот я снова стою на том же самом месте. В высоком, чистом осеннем небе ни облачка. Листья тополей и акаций густо озолотили обочину дороги. А передо мной бронзовое, уже убранное хлопковое поле. Оно давно отзеленело, отцвело, буйно откипело белопенной гривой хлопкового урожая. Поле, выражаясь языком хлопкороба, сжатое. И нет ни одной не сжатой полоски, а только сухие, бронзовые ветви гузапаи — стерни.

Заслуженный механизатор Узбекистана, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР, председатель колхоза имени XX партсъезда Бозского района, Андижанской области, Маннап Джалалов (справа) беседует с передовыми механизаторами Оминой Хамидовой и Абдупаттахом Салиевым.

Я думаю сейчас о хлебе Москвы, Украины, Казахстана, потому что белый хлопок — хлеб Узбекистана. Хлеб, который ждет каждодневно, как и тот, наш насущный в литых зернах, моя Отчизна.

Главный механик колхоза «Москва» Мидрап Муртазаев рассказывает мне о теперь уже отшумевшей хлопковой страде. А я смотрю на его руки, золотые руки крестьянина-инженера, и вспоминаю, как всего несколько месяцев назад, в тот пробный сев ласкали они вот здесь, на этом поле, землю. Любовь к земле — что может быть прекраснее в мире?!

Я смотрю на руки Мидрапа и думаю, где я мог видеть их. Да, конечно, сотни, тысячи крестьянских рук видел я, в меру своих способностей воздавал им дань на страницах книг, журналов, газет. Они прекрасны, руки человека, творящие добро. Они золотые. Но руки человека, как и лица, никогда не встретишь точно такие же. И все же я когда-то видел их.

И вдруг пришло воспоминание.

...Зима 1942 года. Наше завьюженное, холодное и голодное среднерусское село. Грохочет война, и ее железное колесо катится рядом с нашим домом, с моим детством. Сразу же за отцовским домом, в поле, бараки. А чуть поодаль от них стройплощадка: «Все для фронта, все для победы!» Страна верит в свою победу, в то, что сюда никогда не придет враг. И потому срочно строит еще один завод для фронта. Мы, голодные ребята, после школы бежим на стройплощадку, потому что там (детство остается детством) интересно, потому что там можно получить кусочек хлеба, и еще там в стеганых халатах необыкновенные люди — узбеки.

— На, мальчик, возьми...

Мне никогда не забыть вкуса этого узбекского хлеба. И тех рук никогда не забыть.

Я не плакал тогда, плачу теперь. 1942 год. Трудовой фронт. Многие не вернулись в родной Узбекистан с того фронта. Они умерли от голода.

— На, мальчик, возьми...

Хлеб Узбекистана, руки Узбекистана, его сердце.

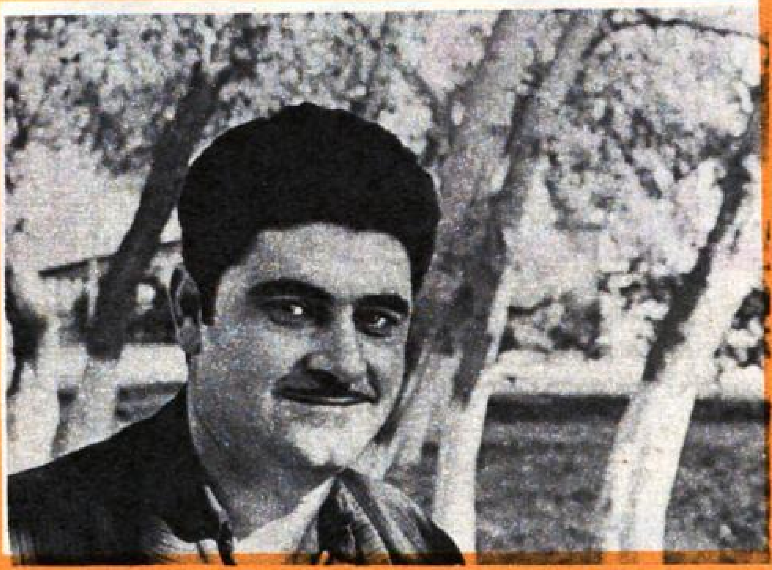
Я не знаю, Мидрап, были ли эти руки руками твоего деда, отца... Но они очень похожи на твои руки.

...Высоко и ярко светит доброе осеннее солнце Узбекистана. Снова колесим мы по дорогам Аккурганского района, и снова Сиит Меметович Таиров рассказывает о районных буднях.

Не сто тысяч тонн сдали труженики района, а 103 тысячи. На три тысячи тонн перевыполнили план, который в тот недавний весенний день показался мне пусть аргументированной, пусть подкрепленной расчетами и наукой, но все же мечтою. Мечта стала былью. Празднично выглядит селение, и сама земля выглядит празднично. Собран небывалый, неслыханный урожай хлопка. В Узбекистане пахта-байрами — праздник хлопкоробов. А земля лежит вокруг и снова ждет ласковых и трудолюбивых рук человека...

Любовь необорима. Для нее нет преград, если она настоящая. Любовь народа к земле — настоящая любовь!

Аккурганский район, Ташкентской области.

Главный механик колхоза «Москва», Аккурганского района, Ташкентской области, Мидрап Муртазаев.

Девичий «перекур».

Абиджан Акбаров (справа) из колхоза имени 50-летия Октября, Мархаматского района, Андижанской области. Абиджан собрал в этом году 1 000 тонн хлопка. Рядом с ним — наладчик хлопкоуборочных машин Эргашбай Нишанов.

Мархабат Лутфуллаева, комсомолка, механик-водитель хлопкоуборочной машины из колхоза «Пахтакор», Балыкчинского района, Андижанской области.

Пришел хлопок на Аккурганский заготовительный пункт.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

И труд и песня сопутствуют хлопкоробу.

ГОВОРЯТ УЧАСТНИКИ КОНГРЕССА

КРОВНОЕ ДЕЛО РАБОЧИХ

Гальярдо АНХЕЛЬ,
секретарь Федерации профсоюзов рабочих-металлургов Перу

Перуанский рабочий класс воспринял как свое кровное дело созыв Всемирного конгресса миролюбивых сил. Особенно его вдохновило то, что этот форум проводился в Москве, столице государства, где впервые в истории осуществились мечты человечества о социальном строе, при котором труженики являются подлинными хозяевами страны, где навсегда уничтожена эксплуатация человека человеком и созданы все условия для продвижения вперед по пути строительства коммунистического общества.

Перуанские рабочие приняли активное участие в мероприятиях Национального комитета содействия Всемирному конгрессу. Комитет стал центром проводимой по всей стране широкой пропагандистской и разъяснительной работы. Среди его учредителей были представители компартии, Перуанского движения за национальный суверенитет и мир во всем мире, Всеобщей конфедерации трудящихся и других рабочих, студенческих и общественных организаций, а также видные деятели искусства и культуры.

Народы мира высоко оценивают роль Советского Союза и других социалистических стран в деле разрядки международной напряженности, установления взаимоотношений между государствами, основанных на принципах мирного сосуществования, безопасности и сотрудничества.

С большим вниманием я выслушал выступление товарища Л. И. Брежнева на конгрессе, ставшее значительнейшим событием для всех его участников. Во время его речи, в которой был дан глубокий анализ современной международной обстановки, я думал о том, как много добились прогрессивные, миролюбивые силы, трудящиеся, народы в борьбе за мир. Однако все эти успехи были бы немыслимы без активной мирной политики Советского Союза, сочетаемой с твердым отпором агрессии, братской помощью народам в их борьбе за национальную и экономическую независимость. В то же время, слушая товарища Л. И. Брежнева, когда он говорил о последних событиях в Чили и на Ближнем Востоке, я еще раз приходил к выводу, что борьба против агрессивных происков империализма, антинародной деятельности реакции должна не ослабевать ни на один день. Высокая оценка, данная Леонидом Ильичом Брежневым роли миролюбивых сил в борьбе за достижение мира на земле, радует, вдохновляет всех участников конгресса, придает им новые силы в их будущей деятельности, направленной на осуществление целей и задач, выдвинутых на московском форуме.

НАША СИЛА—В ЕДИНСТВЕ

Бехнам ПЕТРУС (ИРАК),
секретарь Всемирного Совета Мира

Задачи движения за мир неразрывно связаны в Ираке с национально-освободительной борьбой. Весь ход исторического развития страны за последние годы служит этому подтверждением.

Наибольший размах движение борцов за мир приобрело после 1958 года, когда произошла антиимпериалистическая революция. А в 1959 году, осуществляя независимую национальную политику, Ирак выходит из агрессивного Багдадского пакта. Верными союзниками молодой республики в борьбе за укрепление мира на Ближнем Востоке и во всем мире становятся Советский Союз и другие социалистические государства. Все это говорит о том, что мы крайне заинтересованы в мирном сосуществовании, которое является для нас коренным условием развития национальной экономики и построения нового, процветающего общества.

Поэтому иракский народ, горячо поддерживающий все мирные начинания и инициативы прогрессивных сил планеты, с такой готовностью откликнулся на созыв в Москве Всемирного конгресса миролюбивых сил. В подготовку к конгрессу включились широкие слои трудящихся масс Ирака. Для координации усилий был создан Национальный подготовительный комитет. В нем были представлены все политические и общественные организации страны. Возглавил подготовительную работу генеральный секретарь Иракского национального совета мира и солидарности Азиз Шериф.

Московский форум сторонников мира способствовал плодотворному обмену мнениями между представителями различных стран и организаций, стал качественно новой базой в деле дальнейшей консолидации всех миролюбивых сил.

Бороться за мир — это значит бороться со всеми проявлениями агрессивной политики империализма. И успех в этой борьбе зависит от объединенных усилий всего прогрессивного человечества. Поэтому мы считаем, что события в Чили и на Ближнем Востоке не могут рассматриваться лишь как внутренние, локальные проблемы. Они вызваны силами международной реакции, вдохновителями и опорой которой являются империалистические и сионистские круги США и Израиля.

Новая история Ирака имеет много схожих черт с периодом становления народной власти в Чили. В обеих странах остро ставились вопросы национального освобождения и объединения антиимпериалистических сил. В Ираке была национализирована добыча и переработка нефти, в Чили — производство меди. В Ираке достигнуто взаимопонимание между политическими партиями и организациями, в Чили до недавнего времени у власти находился блок Народного единства. И нам сегодня особенно больно сознавать, что прогрессивный режим в Чили растоптан генеральскими сапогами при содействии международной реакции. Поэтому мы, делегаты конгресса, призываем всех борцов за мир объединиться и дать решительный отпор проискам реакционеров и поджигателей войны.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧЕНОГО

Ленард ПАЛ,
директор Центрального института физических исследований в Будапеште

Мое первое знакомство с Москвой произошло в 1950 году. Я был тогда аспирантом на кафедре физики МГУ. В 1953 году в новом здании университета на Ленинских горах я защитил свою кандидатскую диссертацию.

С тех пор прошло двадцать лет. Многое изменилось в мире за эти годы. Сегодня все народы с удовлетворением встречают происходящую разрядку международной напряженности. Этому будет способствовать и Всемирный конгресс миролюбивых сил в Москве. Как и все участники этой исторической встречи, я с большим вниманием прослушал речь Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева, в которой содержится такой ясный и четкий анализ международного положения, конструктивная программа действий для всех, кому дорог мир.

Эта речь заставляет еще раз задуматься о своем месте в рядах борцов за мир, о том, что мы, ученые, должны сделать для укрепления мира.

Наука вручила человечеству ключи от атомной электростанции и от пульта ядерных ракет. Как, в каких целях будут использованы открытия ученых? От этого зависит наше завтра, само существование планеты Земля.

Физики, пожалуй, как никто другой, отчетливо представляют себе гигантские масштабы разрушительных сил, которые заключены в современном ядерном оружии. Именно поэтому мы должны всеми силами добиваться, чтобы угроза его применения была полностью исключена. Сознание своей ответственности перед человечеством привело многих ученых в ряды Пагуошского движения. Я хорошо помню первые встречи участников этого движения, которые выступали за прекращение гонки вооружений. И сегодня эта проблема не утратила своей актуальности.

В наши дни находятся люди, утверждающие, что во всех трудностях и опасностях, с которыми сталкивается ныне человечество,— появление новых средств массового уничтожения, загрязнение окружающей среды — виновата наука. Сторонники подобных взглядов говорят, что для подлинного счастья человечества «большая новейшая наука», дескать, ничего не дала, что разум только мешает и потому, давайте, мол, лучше будем руководствоваться инстинктами. Это напоминает движение луддитов — разрушителей машин. Дорогу научному прогрессу преградить нельзя. Все зависит от того, в чьих руках находится наука, в чьих интересах используются ее достижения. Это имеет самое непосредственное отношение к судьбам мира. Вот почему среди участников конгресса было много ученых. Они приехали, чтобы найти новые возможности действовать сообща в интересах сохранения мира. Главной стратегией таких действий, на мой взгляд, должна быть опора на массы. Участие народных масс, их политических партий и организаций в решении проблем войны и мира товарищ Л. И. Брежнев назвал одним из важнейших факторов современного международного развития.

Несгибаемая воля к миру, которую проявляют сегодня общественные силы всех континентов, солидарность, чувство общей ответственности — вот слагаемые успеха в том важном деле, которому был посвящен конгресс миролюбивых сил в Москве.

Вручение переходящего Красного знамени бригаде Нашира Чинташева в колхозе имени Куйбышева, Аккурганского района, Ташкентской области. Бригада собрала с каждого гектара своих угодий по 50 центнеров хлопка.

НАМ — 250

Вадим ОЧЕРЕТИН

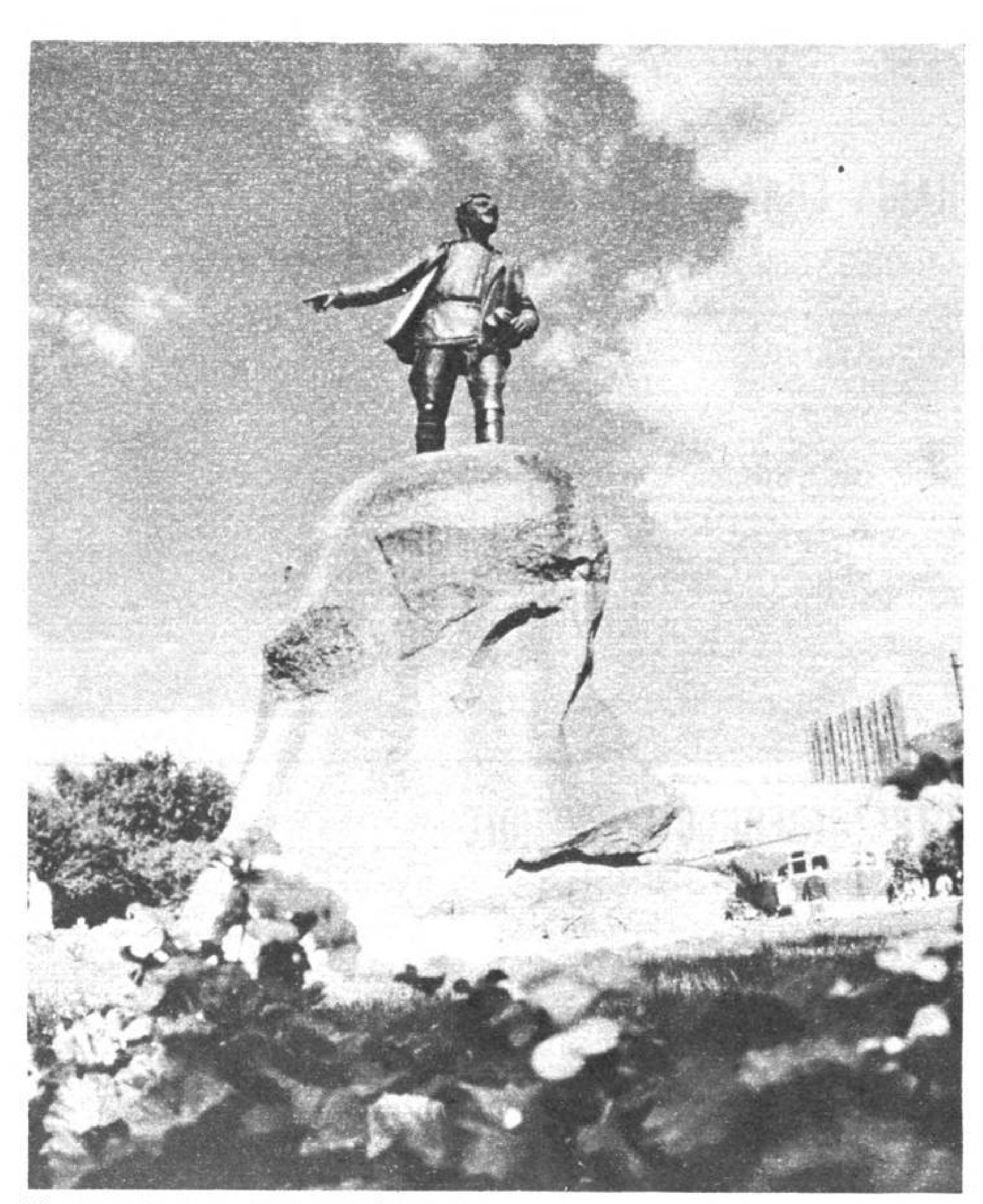
Наш Свердловск бурлит. Приближается юбилей города. Ему исполняется 250 лет.

Раздолье историкам. Пресса щедро предоставляет им свои страницы. В обычное-то время не очень: жизнь Свердловска так насыщена событиями, так многогранна, что оглядываться в прошлое чаще просто недосуг. А сейчас широко публикуются сообщения о находках и поисках историков. И то, как бродил на диком бреге Исети сподвижник Петра I Василий Татищев, выбирая место для первой плотины: он наметил завод, по тогдашнему уровню техники бывший потом много десятилетий самым передовым металлургическим и металлообрабатывающим предприятием не только в России, но и во всей Европе. И то, как рабочий народ Екатеринбурга снабжал армию Емельяна Пугачева оружием, боеприпасами, пушками: к восстанию, как известно, присоединилось девяносто два уральских завода-города. И то, как в Екатеринбурге (Свердловске) сложилось ныне перевалившее за миллион население, состоящее из представителей ста национальностей нашей страны: кто только не приехал сюда за годы советских пятилеток!

Город раскинулся посреди Урала, сразу за седловиной Уральского хребта, на одном из самых бойких мест России, как ворота в приманчивую Сибирь. И история его действительно столь полна эпизодами общегосударственного значения, что в эти дни свердловчане всерьез увлеклись экскурсами в прошлое.

Особенно ярка революционная история Свердловска, носящего имя соратника Ленина, первого председателя ВЦИК. В 1897 году в городе организовалась социал-демократическая группа из передовых рабочих и марксистской интеллигенции. В 1903 году образовался Среднеуральский комитет РСДРП. В 1905-м здесь создали один из первых в России Совет рабочих депутатов. С 1907-го и поныне выходит газета коммунистов — «Уральский рабочий». Октябрь и гражданская война в наших краях, сражения на Восточном фронте — это все героические страницы истории государства рабочих и крестьян. Здесь еще в августе 1917 года проведена первая в республике национализация фабрик.

Впрочем, чувствуете, и я увлекся. Лучше приезжайте к нам, «если вы не бывали в Свердловске», как поется в популярной песне, и вы прочитаете историю города прямо на наших улицах, там, где стоят памятники революционеру Якову Свердлову, полководцу Василию Блюхеру, писателю Павлу Бажову, наркому Серго Орджоникидзе, пионеру Павлу Морозову...

Памятник Якову Михайловичу Свердлову.

Фото Г. Копосова.

На множестве зданий города в центре и на окраинах вы увидите мемориальные доски в честь знатных земляков, в честь главных событий времен революций, гражданской войны, социалистического строительства, войны Отечественной. Они расскажут вам многое. Примечательна огромная стела чугунного литья в память о декабристах, а за Политехническим институтом — памятное место тайных рабочих собраний до Октябрьской революции, так называемые Каменные Палатки, которые сами по себе интересны как чудо природы. И еще уникальный памятник — добровольцам-танкистам, легендарному воинскому соединению рабочих и инженеров, коммунистов и комсомольцев времен Отечественной войны.

Но самая «гордая гордость» наша — заводы социалистического Свердловска, научно-исследовательские институты, учебные заведения, любимые детища уральцев, выращенные Советской властью. На центральной праздничной трибуне города, что на площади имени 1905 года, под бронзовой скульптурой Владимира Ильича в граните вырублены ленинские слова: «Все, чего мы достигли, показывает, что мы опираемся на самую чудесную в мире силу — на силу рабочих и крестьян». Свердловск, как и другие города страны, с полным основанием говорит: да, за годы пятилеток мы многого достигли!..

Заводы, заводы, заводы... Вы их сразу не заметите, когда будете бродить по широким улицам, бульварам, скверам. Многие заводы внешне — это гигантские современные многоэтажия бетона и стекла, без дымящих труб. А сам Свердловск сложился просторно-просторно, в нем нет узких, кривых улочек, загроможденных зданиями. Но тихими летними утрами, когда влажен помытый асфальт и душисты цветники, а от обширных прудов, тянущихся каскадом по Исети через весь город, веет прохладой,— вы уло-

вите мерный, негромкий, но внушительный гул. Это работают промышленные предприятия Свердловска.

Их свыше двухсот, и за один день они выдают продукции в несколько раз больше, чем до революции город делал за год. В машиностроении ведущее место принадлежит тяжелому и химическому. Крупнейший из советских заводов — Уралмаш — изготовляет доменное и мартеновское оснащение, мощные рельсо-балочные станы, нефтебуровые установки, гигантские экскаваторы. Заводы тяжелого химического машиностроения, электрических аппаратов, турбомоторный, приборостроительные и другие выпускают оборудование для электростанций, химических предприятий, турбины, моторы, генераторы, трансформаторы, геологическое оборудование. Химическая промышленность города вырабатывает фармацевтические препараты, резиновые изделия, пластмассы. Крупные предприятия делают обувь, одежду, парфюмерию. Холодильники, стиральные машины и мебель — всего не перечтешь, не говоря уж о нашем гранильном производстве, изделиях из знаменитых уральских камней...

Многие предприятия сейчас снова перестраиваются по последнему слову техники. Верх-Исетский металлургический завод возвел возле себя такой большой цех холодного проката стального листа, что он затмит все прежнее производство — и масштабами и техническим совершенством.

Когда-то прокатчиком я уходил с этого завода на фронт. И до сих пор в часы душевных передряг езжу туда — побродить, повидать старых друзей... Недавно государственная комиссия подписала акт о приеме первой очереди комплекса цеха холодной прокатки трансформаторной стали — ЦХП — в эксплуатацию. Пошла продукция! За новостройку на старейшем заводе переживал весь город.

Как отмечал в своем приветствии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев: «Ввод в действие этого уникального комплекса является значительным вкладом в выполнение Директив XXIV съезда КПСС по дальнейшему развитию черной металлургии, коренному улучшению качества металлопродукции и повышению эффективности применения металла в народном хозяйстве».

Говорю о наших достижениях, стараясь сдерживаться, чтобы читатели не подумали, будто в моих строчках — только влюбленность в свой край, в свой город. Но ведь всей стране известны одобренные постановлением ЦК КПСС начинание и успехи свердловчан в технической реконструкции предприятий с минимальными капиталовложениями. На всю страну прославлены сотни трудовых династий, которые работают на наших заводах. Сыновья идут за отцами, внуки за сыновьями. Поколения рабочих и инженеров, ученых и студентов в естественном движении истории сменяют друг друга, развивая смекалку, пытливость, полет технической мысли. А главное, верность делу партии. На этом стоял наш Свердловск, стоит и будет стоять!

Разумеется, современная промышленность невозможна без разносторонне развитой науки. В нашем городе крупнейший в стране Уральский научный центр, у нас больше ста научно-исследовательских институтов — углехимический, черных металлов, огнеупоров, народного хозяйства, математический, медной промышленности, лесохимии...

Гостям нашим бросается в глаза молодость населения Свердловска. Пятая часть его жителей — студенты и школьники. Полтора десятка высших учебных заведений, более полусотни средних специальных, около двухсот дневных и вечерних общеобразовательных школ, технических, профессиональных училищ. И почти половина заводских рабочих, инженеров — люди моложе тридцати. Вслед за выдающимися учеными Свердловска, такими, как С. Вонсовский, Н. Красовский, Г. Чуфаров, С. Шварц, и другими — они известны своими трудами не только в нашей стране, но и за рубежом,— идет юная смена. И мы, свердловчане, знаем, что следующее поколение даст еще больше блистательных имен нашей науке, нашей промышленности. Ведь дела нынешней пятилетки — выполнение Директив XXIV съезда КПСС в основном легли на плечи молодых.

У нас молодые и юные лица повсюду. Парни и девушки заполняют читальные залы десятков библиотек — в их распоряжении более шести миллионов книг... Молодые учителя, молодые врачи, молодые ученые, молодые продавщицы, молодые милиционеры — это Свердловск сегодня.

В сорока книжных магазинах, на десятках стадионов, лыжных базах и водных станциях, в многочисленных спортивных залах и водных бассейнах, во Дворце спорта с трибунами до семи тысяч мест — всюду молодежь. И в единственном в своем роде геологическом музее, где собрано свыше 25 тысяч образцов горных пород — от бриллиантов и малахита до асбеста и обсидиана, вулканической лавы... И в людском потоке, что трижды в сутки принимает каждый завод...

Говорят, Свердловск — город рабочий. Это верно, это чувствуется даже в ритме его суток, в ритме каждого дня. Но он и город-воин, как и другие промышленные города Советского Урала — «опорного края державы», по словам поэта. На привокзальной площади памятник тем, кто добровольцем ушел на фронт.

И что знаменательно. Героизм — примета жизни целых трудовых коллективов. Ведь коллективизм — главная черта рабочего класса. Так было и в дни войны на фронте. Свердловская танковая бригада Уральского добровольческого корпуса стала называться так: Свердловско-Львовская гвардейская, ордена Ленина, Краснознаменная, орденов Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого танковая бригада. Массовый героизм ее коллектива происходил от рабочего характера, выкованного на производстве.

Приезжайте к нам, в главный город дважды орденоносной Свердловской области. Вы пройдете от Вечного огня в честь героев революции до памятника студентам-воинам и увидите по мемориальным надписям на всем пути, что город всегда был на основной магистрали истории нашего Отечества. Все двести пятьдесят лет.

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АФАНАСИЯ КОПТЕЛОВА

ГОДЫ И КНИГИ

Юношеские годы Афанасия Лазаревича Коптелова совпали с событиями огромного исторического значения.

В день штурма Зимнего дворца ему исполнилось 14 лет. Свершившиеся гигантские преобразования в стране были той большой и настоящей школой, которая дала будущему писателю необходимые знания и опыт жизни.

После Октябрьской революции молодой Афанасий Коптелов работает книгоношей, учится на курсах «красных учителей», принимает участие в ликвидации неграмотности в селах Томской губернии. В 1921 году семнадцатилетним пареньком организует коммуну «Красный пахарь». Коммунары оказали Афанасию доверие, избрали его председателем. И он с головой уходит в хозяйственные дела, активно занимается селькоровской работой.

В середине двадцатых годов Афанасий Коптелов сотрудничает в газетах «Красный Алтай», «Алтайская деревня», «Советская Сибирь». В 1924 году в журнале «Сибирская деревня» публикует свой первый рассказ «Поблазнило». Через пять лет из-под пера молодого журналиста выходит роман «Новые поля» — о классовой борьбе в сибирской деревне.

Как только началось строительство Турксиба, Афанасий Коптелов приехал на трассу будущей железной дороги. Впечатления, полученные на этой первой значительной советской стройке в Сибири, нашли отражение в романе «Светлая кровь» (опубликован в 1931 году).

Вскоре после этого молодой писатель начинает работу над романом «Великое кочевье» (1935). Посвященный животрепещущей теме того времени — коллективизации мелких хозяйств так называемых «малых народностей», этот роман принес широкую литературную известность автору.

Во время Великой Отечественной войны писатель создает книгу документально-художественных очерков о воинах-сибиряках «Наши земляки» (1944).

В первые послевоенные годы Афанасий Лазаревич интересуется проблемами садоводства в сложных климатических условиях Сибири. В начале пятидесятых годов работает над романом «Сад». Вышедший впервые в 1955 году, этот роман впоследствии неоднократно переиздавался.

Однако все эти книги были подступом к главной, замысел которой Афанасий Коптелов долго вынашивал. В 1963 году он публикует роман «Большой зачин». Через несколько лет писатель заканчивает работу над двумя книгами романа «Возгорится пламя». В этих трех книгах он описывает ранний период жизни и деятельности В. И. Ленина — пору его ссылки в Шушенское.

Сибиряк по рождению, Афанасий Коптелов до настоящего времени живет неподалеку от Шушенского. Не случайно главное художественно-эстетическое достоинство романов о В. И. Ленине — очень точное воспроизведение атмосферы тех далеких лет. История, время у Коптелова не модернизированы, они выступают без парадного мундира, в своем «рабочем» обличье.

Сибирь конца прошлого столетия воссоздана широко, свободно, щедро, автор вкладывал в повествование не только то, что изучил по архивам, что пережил и передумал, но и свое писательское умение увлечь читателя.

Действие переносится из Шушенского на берега Волги, в революционную Москву и Петроград, охватывает просторы всей России. Мы видим, как Ленин работает, как ходит на охоту с местным сибиряком Сосипатычем, как спорит с предприимчивым Зыряновым, судорожно пробивающимся в кулаки. И всегда встречи с Владимиром Ильичем оставляют неизгладимое впечатление у людей.

Афанасий Коптелов пишет не только о Ленине, но и о его матери, сестрах, брате Дмитрии, о Надежде Крупской, о муже Анны Ульяновой — Марке Елизарове. Романист повествует о близкайших в ту пору соратниках и единомышленниках Ленина — о Кржижановских, Ванеевых, Старковых, Лепешинских. О трагической судьбе Николая Федосеева. О надломленных тяжкими испытаниями тюрьмы и ссылки Петре Запорожце и Якове Ляховском. О Викторе Курнатовском, сестрах Окуловых.

Главная книга Афанасия Коптелова, вошедшая в золотой фонд художественной Ленинианы, достойно представляет пятидесятилетний творческий труд прозаика. Последние произведения А. Коптелова показывают, что в свои 70 лет юбиляр находится в отличной форме. Это радует друзей и товарищей писателя, многочисленных почитателей его таланта.

М. ЛАПШИН

Петрусь БРОВКА

И ДНЕМ И НО

ПРОВОДА

Гудят в степи, поют на скалах,
Соединяют с кровом кров.
Их над землей теперь немало,
Тугих и чутких проводов.

Они и в поздний час и в ранний
С Москвой сближают гулкий бор.
Течет заочное свиданье,
Звучит сердечный разговор.

Звонок из Витебска, из Рима.
Заботы века. Душ родство.
А сколько проводов незримых
Идет от сердца моего!

Призванье вечное поэта —
Звенеть, нести тепло и свет.
От адресатов жду ответа.
Грущу, когда ответа нет.

* * *

Когда бы снова все начать
Пришлось, кого с собой в дорогу
Я предпочел сегодня взять —
Покой души или тревогу?
Тревогу взял бы я с собой,
Тревога дружит с новизной.

Когда бы снова все начать
Пришлось, кого с собой в дорогу
Я б взял — беду превозмогать,
Кого б я кликнул на подмогу?
Не болтунов, не звонарей,
Пусть молчаливых, но друзей.

Когда б я снова все начать
Сумел, и юным стал в дороге,
И счастье испытал опять,
Кого бы выбрал я из многих?
С собою я позвал бы вновь
Все ту же первую любовь.

* * *

Мы воспевали с юным пылом
Свободу, счастье, мир, добро.
Нас революция взрастила,
Вручила каждому перо.

Нас много сразу начинало,
Поскольку ждал стихов народ.
И кое-кто шутил, бывало:
— Михась Чарот [1], а с ним пятьсот...

Я тоже в этой пятисотке
Трубил в преддверье всех дорог
И первой пятилетки сводки
Стихами излагал, как мог.

На сельской сходке полуночной,
Махрой обкуренный до слез,
Агиткой с рифмою неточной
Я бедняков скликал в колхоз.

Хоть были мы не краснобаи,
Летел от сердца к сердцу стих.
«Молодняковцы» [2], мы, дерзая,
Нашли читателей своих.

Казалось нам нетрудным делом
Все перестраивать. В те дни
Мы жили начинаньем смелым,
Нам было новое сродни.

Пусть каждый шаг давался с бою
И в мире много было зла,
Но жизнь вели мы за собою,
Нас за собой она вела.

[1] Михась Чарот — один из основоположников белорусской советской поэзии.

[2] «Молодняк» — литературное объединение, существовавшее в двадцатых годах в Минске.

И ДНЕМ И НОЧЬЮ...

Я днем и ночью с ней встречаюсь.
Глаз от нее не оторвать.
В кого б влюбляться ни случалось,
Я возвращаюсь к ней опять.

О книге — речь. Поклонник старый,
Я с ней во сне и наяву.
В стихах, романах, мемуарах,
Героев судьбами живу.

В крылатке — по старинной моде —
Иль в тоге, я шагать готов
За теми, чьи следы уводят
В тревожный сумрак, в даль веков.

Чту мастеров бессмертных руки,
Художников боготворю
И с мучениками науки
Я на одном костре горю.

Я вновь иду под гул орудий
В атаку иль во вражий тыл.
Чтоб заслонить своею грудью
Тех, кто от пуль меня прикрыл.

Я, тайны мира постигая,
Веду на полюс корабли,
Стремглав к созвездиям взлетаю
И опускаюсь в глубь земли.

Я проникаю в суть событий,
Сквозь время гулкое летя.
Я и столетий долгожитель
И бессловесное дитя.

Нет книги под рукой — тоскую.
Ее ищу я, сам не свой.
Никто — от всей души скажу я —
Так не владел моей душой.

* * *

Когда тебе бывает грустно,
ты не отчаивайся, брат
Прислушайся к лесному руслу. Как воды
весело звенят!
Ручей открыл перед тобою всю чистоту
свою до дна.
Ни днем, ни ночью не смолкает его струя,
его струна.
Когда тебе бывает грустно, мой друг,
не вешай головы.
Ты полюбуйся многоцветьем
еще не скошенной травы.
Несхожи лепестки и стебли
своими красками горят,
И даже малая былинка свой источает
аромат.
Когда тебе бывает грустно, не вызывай
печальных слез.
Взгляни, как хороши на синем стволы
серебряных берез.
Они плывут, любая ветка сродни зеленому
веслу.
Любой листок земле и небу возносит
щедрую хвалу.

НЕБО

В заботах о рожденье хлеба
С тобою связана земля.
Ах, небо, небо, небо, небо,
Как тянутся к тебе поля!

Ты солнечная быль и небыль,
Причастная к земной судьбе.
Ах, небо, небо, небо, небо,
Мы рвемся сызмала к тебе!

Взывает нива: «Мне бы, мне бы
Лучей побольше и дождей».
Ах, небо, небо, небо, небо,
Ты украшенье жизни всей!

Зарницы в тучах бьются слепо,
Но засинел просвет вдали.
Тебе бы я молился, небо,
Когда бы не было земли.

НЕЛЕГКОЕ РАЗДУМЬЕ

Свой путь окидываю бегло,
Свой век — он добрым был и злым.
Я повидал и рай и пекло,
Бывал и руган и хвалим.

Успеху внешнему не рада
Моя душа на склоне дней.
А боль, что на виду,— не рана,
Незримая — всегда больней.

чью...

Мне кажется, я сделал мало
И, откровенно говоря,
Порой небрежных строк хватало,
Случалось, дни летели зря.

А жизнь с горы съезжает рано.
Был молодым. И вдруг — старик.
Хожу я в ранге ветерана,
Но быть старейшим не привык.

Начать бы в жизни все сначала!
Но время не шагает вспять.
Жаль. Зрелых замыслов немало
С собой придется забирать...

* * *

Деревья!
Я порою ранней
Дивлюсь, едва на вас взгляну,—
О, сколько разных одеяний
Вам сшили за одну весну!

Тот шелест платьев
Беспокойный
Всегда пленяет новизной.
Убор и лиственный, и хвойный,
И звездчатый, и вырезной.

Я радуюсь.
Наряд надежный.
Высокий вкус. Отменный цвет.
Должно быть, посвятил художник
Покрою
Миллиарды лет.

* * *

Поля, поля — от стога к стогу,—
Бор над Березою-рекой.
О, сколько видела дорога,
Простертая передо мной!

Вдали ушедших предков тени.
Я следом тень свою веду.
Путем легенд и песнопений,
Тропою вечности иду.

Тревожусь я, живя на свете,
Какой предвидится итог?
Что взял я из того наследья
И что к нему прибавить смог?

Но все ж надеждою одною
Я тешусь на пути своем,
Что тот, кто выйдет вслед за мною,
Помянет и меня добром.

**Авторизованный перевод
с белорусского Якова Хелемского.**

Горянка

Н. КИДИНА

Померкло солнце. Погасли глаза. Всплеснулись отчаянно руки и упали...

— Люди! — взмолилась девушка, слепо вглядываясь в притихший зал.— Убита я! Убита-а-а...

И зарыдала Асет.

Еще вчера была весела, беззаботна, понимала язык родных гор и высоких звезд. А сегодня чужой стала для родного отца, покорного адату...

Рыдает на сцене Асет, а в зале беззвучно вторят ей женщины, за счастье которых борется исполнительница этой роли в спектакле Чечено-Ингушского драматического театра имени Х. Нурадилова.

Юность актрисы Зулейхан Багаловой тоже омрачена предрассудками прошлого.

Задолго до своего сценического крещения Зулай приехала в Грозный. Она была потрясена, когда впервые попала в театр. Актеры казались ей божествами, творящими чудеса!.. Девушка стала бредить театром. Но родители, нисколько не сомневаясь в своем праве властвовать над помыслами, чувствами и поступками дочери, были неумолимы: «Врачом, учительницей — пожалуйста. На сцену — никогда!»

Зулай пошла в педучилище и училась хорошо, но привлекала-то ее здесь лишь самодеятельность. Стремясь к театру, Зулейка пела, танцевала, занималась акробатикой... И, конечно, играла.

В 1960 году при театре открылась студия; Багалова поступила туда тайком от родных и сразу получила главную роль — Асет в спектакле «Горянка» Расула Гамзатова. Все шло хорошо. Однако счастье длилось недолго: вернувшись однажды с удачной репетиции, Зулай увидела рассерженную родню.

Зулейку не только бранили — ее пробовали и ласково уговаривать. Но все отвернулись от нее, когда совсем ушла из дому пятнадцатилетняя горянка...

Мать и отца заменил Зулейке художественный руководитель театра — Минай Германович Минаев. Тонкий педагог, режиссер, учившийся у самого Станиславского, он чутко поддерживал стойкость и целеустремленность будущей актрисы, бережно пестовал ее незаурядное лирическое дарование.

...После премьеры Зулейку засыпали цветами и похвалами. Народный поэт Дагестана Расул Гамзатов сказал, что свою Асет представлял именно такою, какой сыграла ее юная дебютантка!.. И добрые мамины глаза наконец засияли радостью: признали люди дочку, ее работу! Она выступала даже в Кремлевском театре, где Асет Багаловой аплодировали москвичи.

Скоро о Зулейке стали говорить в народе не только «актриса Багалова», но еще и «депутат Багалова», депутат Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР.

Конечно, не перевелись еще и сегодня люди духовно нищие, жалкие обыватели... Нет-нет да и проскользнет среди сердечных писем, присылаемых Багаловой зрителями, грязная анонимка... Смешно и стыдно их читать. И больно за тех, кто блуждает в темноте...

Может быть, вот эти глубоко личные переживания помогли актрисе постичь душу горянки до самых сокровенных тайников... Образ девушки Петимат, прекрасной, чистой и смелой, любовно выткала народная фантазия. Образ этот лег в основу романа, а затем драмы Саида Бадуева, основоположника чеченской советской литературы...

Молчаливой и застенчивой рисует Багалова свою Петимат в первых сценах спектакля: движения ее бесшумны, взгляд вопросительно-робок; даже радуясь, она остается тихой и неприметной... Трудно предположить в этом доверчивом, поэтическом существе, почти ребенке, народную героиню, которая станет олицетворением крепнущих, пробуждающихся к жизни сил народа, противостоящих царизму. Но в том и заслуга актрисы, что в простодушной и беззащитной Петимат она постепенно открывает неведомые ей самой качества и показывает завершение прекрасного человеческого духовного мужания, как призыв к всенародной борьбе.

Темой преданной, нежной и мужественной любви пронизаны лучшие сценические создания Зулейхан Багаловой. Она воспевает женщин, никогда не изменявших любви и поэтому победивших судьбу в самых суровых испытаниях, пусть даже ценою жизни! Гибнет печальная Бусана в драме С. Бадуева «Бешто» — подлинная героиня, ставшая по силе протеста против реакционных устоев, по глубине и цельности характера сродни русской Катерине. Недаром же Зулай так мечтает перевести на чеченский язык «Грозу» А. Н. Островского.

В драме Абдуллы Хамидова «Бессмертные» гибнет героическая Камета, невеста Ханпаши Нурадилова — славного сына гор, легендарного пулеметчика, Героя Советского Союза. Рассказ о юной чеченке вплетается в суровую ткань повествования о всенародном подвиге прекрасным поэтическим узором. Камета Багаловой — воплощенная верность. Гордое счастье ее — в ожидании, которое не знает ни измены, ни усталости... Без позы, без эффектных слов умирает героиня от руки предателя, не позволив оскорбить достоинство подруги солдата.

Багалова столь же проникновенно играет и классику.

Когда-то среди похвал Зулейкиной Бэле, сыгранной в пьесе по одноименному произведению М. Ю. Лермонтова, прозвучала едва ли не самая дорогая похвала Багаловой. Было сказано, что она как актриса и как человек редкой душевности умеет слушать сердцем...

г. Грозный.

Интервью «Огонька»

Океан — достояние всех стран. Ю. А. Вялов (третий справа) среди членов кубинской делегации.

Ю. ВЯЛОВ, директор Атлантического научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии.

ПРИРУЧЕН

Наша беседа идет в музее института. Меня все время не покидает ощущение, что я нахожусь как бы в океане. Надо мной огромная рыба-луна весом в полторы тонны; ее высота больше метра, а длина — метра два. Здесь же тунцы, котики, рыба-капитан, умбрина, лихия, баттерфиша, морской язык, мерлинг, путассу, солнечники, челюсти исполинского кашалота.

— Заметьте,— говорит Юрий Александрович,— если бы мы имели хотя бы по одному виду рыб, живущих в океане, для демонстрации коллекции не хватило бы и нескольких зданий — так богата подводная кладовая природы.

— Но значит ли это, что богатство океана фактически беспредельно!

— Именно об этом я и хотел сказать. Океан нужен людям буквально как воздух. И потому требует крайне бережного к себе отношения. Все более глубокое вторжение человека в экосистему Мирового океана нарушает естественные связи и процессы. Я веду речь о загрязнении океана отходами производства, нефтью, безрассудном промышленном рыболовстве. Треска, к примеру, кое-где ушла с «насиженных» мест: ее заставили моряки, сбрасывавшие в море шлак. Чтобы океан верно служил людям, нужно очень тщательно следить за его здоровьем.

— Здоровьем океана!

— Именно так. Мы заинтересованы в сохранении природы, в охране от загрязнений воды и воздуха, в постоянном расширении сырьевой базы рыбодобывающего флота.

Интенсификация добычи рыбы в последние десятилетия поставила под угрозу само существование наиболее ценных ее видов, а рост количества рыболовных судов, могущих брать рыбу на достаточно больших глубинах, расширил сферу деятельности человека до глобальных масштабов. Сейчас практически осталось мало места в Мировом океане, где бы рыба чувствовала себя в безопасности. Вот данные, которые не могут не тревожить. На теле океана появились больные места. Едва ли не самые грязные — это те, где проходят наиболее оживленные морские пути. Когда наше научно-исследовательское судно «Академик Курчатов» плавало даже в центральной Антлантике, в сети для лова планктона попадали комочки мазута диаметром до нескольких сантиметров.

Еще древние знали, что нельзя рубить сук, на котором сидишь. Раз нам океан дает и рыбу, надо заботиться, думать о регулировании ее добычи. Знаменательно, что если сейчас международные организации, занимающиеся вопросами рыболовства, лишь устанавливают правила, сроки, квоты отлова отдельных видов рыб, то к 1985—1990 годам намечается необходимость в международном сотрудничестве, чтобы общими усилиями искусственно повысить продуктивность океана.

— Это, очевидно, потребует больших затрат.

— И тем не менее мы вынуждены на это пойти. Сейчас промысел рыбы — фактически охота за нею. Культурное рыбоводство на гигантских площадях голубой целины потребует чрезвычайно больших финансовых, материально-технических и людских ресурсов. Отдельным странам не под силу добиться, чтобы рыбная промышленность превратилась в своеобразную отрасль сельского хозяйства.

— Рыба и сельское хозяйство!

— Все идет к тому. Есть же у нас колхозы, специализирующиеся на разведении рыбы в прудах, озерах. Будет и кооперация всех заинтересованных в океане стран. А незаинтересованных просто не будет: рыбные блюда — в меню всех народов.

— Юрий Александрович, читателям журнала будет интересно знать побольше о руководимом вами АтлантНИИРО.

— Институт переступил порог юности. Он был создан в 1949 году. Цель — разработка проблем, связанных с рациональным использованием биологических ресурсов Атлантического океана. У нас работает 340 научных сотрудников — биологи, океанологи, экономисты, математики, радиоинженеры, технологи по обработке рыбы, специалисты по электронике. Число представителей разных профессий неуклонно ширится, потому что мы изучаем океан комплексно, и чем дольше работаем, тем больше он перед нами ставит вопросов. И это несмотря на то, что благодаря рекомендациям института улов рыбы в Атлантике возрастает.

— Вы говорите о росте добычи и выступаете за более гуманное обращение с океаном!

— Одно другому не противоречит, если добычу вести в разумных пределах. Все дело в том, что где-то лов ведется хищнически, а в других местах безмятежно пасутся огромные — да простят мне животноводы — стада рыб. Нужно выявить все ресурсы и потенциальные возможности каждого района океана. Здесь-то и нужны рекомендации ученых.

У океана своя «многослойная» жизнь, тайны он выдает крайне неохотно. Он просто еще не понял, что ему хотят помочь. Поэтому, чтобы выдать любую рекомендацию, требуются разносторонние знания большого коллектива. Вот если бы рыбы вели оседлый образ жизни...

Но они кочевники. Далеко не все их виды распространены по всему океану, большинство «на постоянной прописке» в ограниченных районах, по которым они и кочуют. Тут-то и начинаются сложности. Что нужно для составления научно обоснованных расчетов? Казалось бы, не так уж много: знать, какие виды рыб обитают в данном районе океана, какова их численность, жизненные циклы — когда и сколько длится нерест, как проходит их жизнь до нереста и после, пути миграции, чем питаются.

Честное слово, я иногда завидую работникам Института биологии внутренних вод, хотя знаю, что и они перегружены изысканиями. Но у них нет таких необъятных просторов, как у нас: реки, озера, пруды ограничены пространством. У нас же хозяйство — от Антарктиды до Гренландии.

— А вы говорите, не ограничены...

— Да, выходит,— смеется Юрий Александрович,— только пока от одного берега до другого доберешься... И глубины — не шестом измеряем. Так вот, я уже сказал, что большинство рыб обитает в ограниченных районах. Границы определяются двумя барьерами: шельфом океана и определенной структурой океанических вод, препятствующей дальнейшему распространению того или иного вида рыбы. Одни живут на больших глубинах, другие на маленьких. Словом, у каждого этажа океана свои квартиранты. А нам остается выявить эти барьеры.

Советское научно-исследовательское судно «Эврика».

ИЕ ОКЕАНА

В биохимической лаборатории.

На палубе американского судна «Альбатрос» идет разбор улова.

— А для этого...

— А для этого надо детально знать необходимые условия среды для данного вида рыбы на каждом этапе жизни, а также как они изменяются в пространстве и времени. Цепочка тянется дальше — не обойтись и без физико-химических характеристик воды, сбор которых по определенной схеме идет в каждом районе океана. Надо еще учитывать и температуру воздуха в предполагаемом районе промысла, пределы ее колебаний, характер течений, волнения, ледовые условия, штормовые ветры.

— Разве хотя бы части этих данных нет в мировой литературе?

— Есть, но, как правило, только о прибрежных зонах океана. Мы выходим в океан, строим гипотезы на основе неполных данных — о возможном жизненном цикле рыбы, ведем экспериментальную проверку. Чтобы гипотезе стать рекомендацией, необходимо, чтобы она подтвердилась как минимум в круглогодичный период.

— А если вы обнаруживаете какой-то новый вид рыбы?

— Вы хотите спросить, когда она поступит на стол и поступит ли вообще? Это история долгая. Нам приходится думать и о том, а что из нее можно готовить. Здесь широкое поле деятельности для технологов, представителей промышленности, торговых и сбытовых организаций, врачей.

— А бывает, что какая-то рыба не идет, не нравится покупателям?

— Я бы сказал, не сразу идет, не то что диковинное украшение или туфли новой модели. К новой рыбе надо не только привыкнуть, но и знать, как и что готовить из нее. А еще названия, непривычные порой, отпугивают покупателя: путассу, мерланг, бельдюга. Тут уж все дело в рекламе, а она у нас поставлена — будем откровенны — плохо, хотя и названа двигателем торговли. Даже продавцы рыбных магазинов и отделов не знают, чем отличается сайда от трески или пикши, как готовить кальмаров. И все-таки покупателям полюбились и макрурус, и серебристый хек, и мерлуза, и нототения, и зубатка, и сабля — перечень, если в него включить все названия, получится длинным.

— Юрий Александрович, нескромный вопрос: гостей дома вы угощаете морской или речной рыбой?

— И морской и речной. И не понимаю, почему многие их противопоставляют: у каждой свои достоинства и...

— ... Недостатки!

— Вовсе нет. Скажем, речной ерш хорош для ухи, но попробуйте его пожарить — кости будешь выбирать бесконечно. К морской рыбе надо привыкнуть. А готовить из нее можно самые деликатесные блюда.

Гастрономические возможности океана так же необъятны, как и его просторы. Но мы отвлеклись от науки в кулинарное русло.

То, что я говорил об исследовании новых промыслов,—это только первый этап работ в изучении биоресурсов океана. Эти работы институтом совместно с промысловой разведкой интенсивно проводились в последние десять лет.

Поиск новых районов для лова продолжается. А в уже открытых основная задача — обеспечить стабильность промысла. И мы все делаем для того, чтобы богатства океана полностью поставить на службу народу. Океан принадлежит людям. Ему нужны рачительные хозяева.

Беседу вел

Михаил ХОДАКОВ.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО КИНО

А. РАЗУМНЫЙ

Мы печатаем с сокращениями отрывок из книги «Воспоминания кинорежиссера», принадлежащей перу одного из зачинателей советского кино, А. Е. Разумного.

Книга подготовлена к печати в издательстве «Искусство» профессором В. А. Разумным.

...Врезался в память тот день, когда разразилась Февральская революция. В ателье «Кино — творчество» мы снимали очередную комедию с участием артистки Ольги Орг и артиста-комика Торского... М. Вернер торопил меня с декорациями, так что ночевать приходилось в павильоне, задолго до прихода съемочной группы подготавливая интерьер.

Наконец наступила неожиданная пауза: оператор А. Винклер заболел, и мы разбрелись по домам. Над Москвой занимался в фабричной дымке розовый рассвет. Мой сосед, с волнением поджидавший меня, ошеломил ворохом новостей: о революции, о падении царизма, о мощных демонстрациях московского пролетариата, вышедшего на улицы.

Бросился в кафе «Бом», чтобы увидеться с товарищами по профессии, узнать новости и как-то действовать. Кафе было еще закрыто, но в парадном уже толпились кинематографисты, актеры, журналисты. Артист Полевой, режиссер Бонч-Томашевский, сценарист Мартов сообщали всем последние новости и комментировали их.

Постепенно Тверская стала оживать. Появилась группа студентов, ведущих куда-то растерянного жандарма. Другая группа молодежи, приветствуемая прохожими, шла с арестованным полицейским, тоскливо озиравшимся по сторонам. Вниз, к Охотному ряду, двигались уже не разрозненные группы, но массы народа. Звучали песни, радостные крики, кого-то несли на руках.

Борис Мартов, смотревший на все происходящее в окно кафе как завороженный, неожиданно воскликнул: «Разумный! Это же необходимо заснять! Это же история!»

...Уже через несколько минут с аппаратом в руках (помню, что это была камера фирмы «Эклер») снимаю митинг на площади у памятника Пушкину. Затем, подхваченный возбужденной и радостной толпой, двигаюсь вместе с ней к Охотному ряду, выхватывая из уймы неожиданных впечатлений наиболее яркие эпизоды. Какими-то путями пробираюсь на балкон, потрясенный открывшейся от «Метрополя» до Городской думы панорамой многотысячной толпы. Еще мгновение — и снимаю подъехавшего к Городской думе адъютанта командующего округом, проталкиваюсь вслед за ним в здание думы, откуда опять снимаю массы людей.

Пленка сдана в лабораторию. Смотрю негатив. Кажется, все отлично. Так состоялось мое первое выступление в качестве оператора-кинохроникера. И хотя впоследствии приходилось снимать во время самых ответственных для молодой Советской России событий, эти первые кадры, сданные впоследствии А. Винклером в Культотдел Исполкома Моссовета, мне особенно дороги.

...В те бурные дни хозяин фирмы «Кинолента» А. Савва предложил мне поставить совместно с оператором Я. Посельским приключенческий фильм с выездом на натуру в Одессу. Ознакомившись с лихо закрученным либретто, мы дали согласие и сразу же выехали в город моей юности. Потянулись долгие дни ожидания сценария от автора, который почему-то не выполнял своих обязательств. В это время в мои руки попала книга «Лейтенант Шмидт — борец за свободу», только что вышедшая из печати. Новая тема, удивительно отвечавшая тогдашним нашим умонастроениям, была найдена! Мы начали посылать Савве телеграммы за телеграммой и наконец добились разрешения ставить этот фильм.

Мы пригласили для съемок местных актеров, договорились с военно-морским отделом Совета рабочих депутатов об оказании помощи съемочной группе, а также о консультациях.

Любопытная заметка была помещена в те дни в газете «Одесские новости» от 6 июля 1917 года (текст подлинника сохранен):

«С разрешением Изп. Ком. С. С. и О. Д. в Одессе приступлено к снятию ленты «Лейтенант Шмидт — борец за свободу». Съемки будут производиться московской фабрикой «Кинолента». Постановкой руководит художн. режис. Разумный. В главных ролях выступят гр. гр. Ленский и Сотник. Будут произведены съемки гарнизона, судов, матросов и др. Картина отдана в распоряжение С. С. и О. Д. гор. Одессы для эксплоатации в кинематографах. Сбор поступит на устройство памятника или маска свободы Имени Лейт. Шмидта. Директор распорядитель фирмы «Кинолента» пожертвовал С. С. и О. Д. 1 000 руб.».

Кстати, в этом фильме дебютировал как киноартист — в роли адвоката Зарудного — неповторимый Леонид Утесов, рассказавший об этом эпизоде своей творческой биографии миллионам телезрителей спустя более чем полвека!

Весь игровой материал был отснят в Одессе. Снимали на военных судах, в порту, под Одессой. Декорации ставились нами в павильоне зимнего сада дворца Воронцова.

К моменту завершения съемок в павильоне нам стало известно, что в ближайшие дни состоится перезахоронение праха лейтенанта Шмидта, который должен был быть перенесен в Одессу, а затем в Севастополь. Одесса готовилась торжественно встретить останки одного из славных героев 1905 года. Надо было что-то срочно предпринимать по своей инициативе. Мы распределились (ибо у нас было две камеры): оператор Я. Посельский выехал вместе с моряками на военном корабле в Очаков, чтобы там заснять грандиозную процессию. Я же готовился снимать события в Одессе, где гарнизон и корабли флота должны были отдать почести праху героя.

Опасаясь, что материал может попасть в руки хозяина «Киноленты», отнюдь не симпатизировавшего «красному лейтенанту», мы добились срочной отправки отснятых в Одессе и Очакове кадров с курьером-матросом в Москву для передачи Союзу кинематографистов и Моссовету. Одновременно мы содействовали появлению приведенной выше заметки, чтобы дать понять Савве, настаивавшему на передаче негатива хроникальных кадров в его распоряжение, об акте, совершенном от имени фирмы.

Провести рассвирепевшего Савву не удалось: он вычел из гонорара авторов и стоимость пленки, использованной для хроникальных кадров, и злополучные 1 000 рублей, переданных нами от его имени Одесскому Совету.

На этом наши мытарства не кончились. Во время приемки фильма дирекцией нам было предложено доснять одну или две сцены драматического плана из жизни лейтенанта Шмидта. На наш отказ дирекция ответила угрозой перемонтировать фильм без каких бы то ни было консультаций с моряками. Отчасти эту свою угрозу она осуществила, выпустив фильм на экран с тенденциозными купюрами. Естественно, что просмотр этого фильма с позиций нынешнего дня, сквозь призму великих эстетических завоеваний революционного киноискусства не дает нам полного удовлетворения. Но в ту пору постановка фильма на революционном материале была событием из ряда вон выходящим...

После Великой Октябрьской социалистической революции я все чаще стал бывать на Малом Гнездниковском, дом 7, где в ту пору (с марта 1918 года) помещался Кинематографический комитет Наркомпроса, переданный в ведение последнего из Моссовета. Беседы, деловые и дружеские, с работниками комитета, среди которых были и большевики с дореволюционным стажем, побуждали по-новому смотреть на продукцию частных фирм, которые в это время прямо-таки заполнили рынок «сатанинскими» фильмами и прочей декадентской дребеденью. И одновременно бегство на юг крупных отечественных кинематографистов, организуемое кинопредпринимателями, приняло угрожающий для судеб нашего кино характер...

Новый многомиллионный зритель требовал обновленной тематики картин, он хотел видеть на экране близких ему по духу людей, события, факты современности. Необходим был коренной перелом. И такой перелом наступил. По заданию партии Народный комиссар просвещения РСФСР А. В. Луначарский вместе с Валерием Яковлевичем Брюсовым, бывшим в то время заведующим литературной частью Кинематографического комитета, занялись подготовкой ряда сценариев на темы из советской действительности. В кинохронику, этот самый мобильный вид киноискусства, они привлекли основные, лучшие силы старого киноискусства и талантливую молодежь, набиравшуюся опыта прямо на фронтах гражданской войны и мирного строительства. Хронику снимали П. Новицкий и П. Ермолов, операторы художественного кино А. Левицкий, Г. Гибер, Г. Лемберг (отец), молодые операторы Э. Тиссэ, А. Лемберг, А. Дорн, С. Забозлаев, П. Вейнштейн.

Первыми режиссерами хроники стали Г. Болтянский, Д. Вертов, В. Гардин, Л. Кулешов, Н. Тихонов, М. Шнейдер. С середины 1918 года Московский кинематографический комитет стал выпускать киножурнал «Кинонеделя». Его первым редактором стал молодой, удивительно темпераментный и великолепно образованный журналист Михаил Кольцов. Вскоре он уехал на фронт, открыв одну из первых страниц своей легендарной биографии большевика-публициста, дружба с которым так много дала мне в последующие годы.

За короткий срок «Кинонеделя» сыграла значительную роль в становлении революционной публицистики и формировании основ советской кинопериодики.

Кинематографический комитет намечал перевод на новые рельсы и художественной кинематографии. Вот почему я не удивился, когда мне было поручено ответственное задание — поставить первый советский художественный фильм «Восстание», содержанием которого были события во время Октябрьской революции на фронте и в деревне. Задание было не только чрезвычайно важное и почетное, но и весьма сложное, ибо фильм надо было закончить в кратчайший срок — на экраны он должен был выйти к первой годовщине Октября.

Обстановка была столь же напряженной, как и сроки. Можно было опасаться саботажа во время съемок, порчи пленки в кинолаборатории, поджогов. Фильм пришлось снимать в павильоне бывшего Скобелевского комитета, в котором давно не работали и который следовало привести в сносное состояние.

Настроение в коллективе студии, на который

я должен был опираться, было весьма настороженным. Нечего скрывать, далеко не всем работникам кино того периода было по душе снимать ленту, посвященную революционным событиям. А наша картина как раз и должна была рассказать (по замыслу сценариста В. Добровольского-Федоровича, сотрудника большевистской «Правды») о первых днях советской власти в деревне. Ее главный герой — солдат, возвращавшийся с фронтов империалистической войны, вместе с односельчанами отбирал землю у помещиков, помогал им налаживать новую жизнь, знакомил их с правдой о революции.

В Петровском парке, там, где сейчас находится стадион «Динамо», за деревянным забором стояло угрюмое, давно не топленное ателье, принадлежавшее Московскому кинематографическому комитету... Ателье не имело своей съемочной техники. Операторы снимали собственными аппаратами иностранных марок.

Перед съемками я приехал познакомиться в павильон с техникой и руководящими кадрами ателье. Меня встретили очень тепло и сразу же проводили в кабинет директора.

Запомнился кабинет, обставленный мебелью черного дерева, в готическом стиле, с очень высокими креслами и большим письменным столом, за которым размещались шкафы того же стиля. За столом сидел человек в штатском костюме, но в наброшенной на плечи солдатской шинели, удивительно уютно куривший замысловатую по форме трубку. Серьезное и усталое лицо его чем-то напоминало мне лицо музыканта в процессе творчества. Это был Борис Александрович Михин, известный до революции художник и режиссер, один из авторов фундусной системы постройки декораций, далее — крупный организатор советского кинопроизводства. Он сразу же пошел ко мне навстречу, и готическая мебель как-то незаметно приняла нормальные размеры. «С чего вы хотите начать осмотр?» — спросил он. Я попросил начать знакомство с павильона, а затем с отдела военной хроники, где мне придется черпать нужные материалы. Для более точной информации я передал Б. А. Михину экземпляр сценария «Восстание».

А. Разумный на съемке.

...Сейчас семидесятые годы нашего века, который коренным образом изменил облик планеты.

Пишу эти воспоминания на склоне лет, но то, что происходило более полувека тому назад, всплывает в памяти с необычайной яркостью.

...Голод и холод. Белогвардейцы готовятся к «решительному» наступлению на красную Москву. Кинопроизводство к тому времени еще оставалось в частных руках, время знаменитого ленинского декрета было еще впереди. Капиталисты и их пособники делали все, чтобы не допустить создания фильмов для новой, Советской власти, для рабочих, крестьян, красноармейцев.

Далеко не все художники, актеры, режиссеры поняли в то время великий смысл происходящих на их глазах социальных перемен. Часть актеров дореволюционного кино под разными предлогами отказывалась сниматься в фильмах на новую тематику. Вспоминаю, что актер, согласившийся было исполнять роль попа Панкрата в антирелигиозном фильме по басне Демьяна Бедного «О попе Панкрате, о тетке Домне и явленной иконе в Коломне» (режиссер А. Аркатов), в последнюю минуту отказался от съемок, мотивируя свой отказ религиозными убеждениями. И пришлось тогда председателю Московского Кинематографического комитета Наркомпроса Н. Преображенскому, доселе в кино не снимавшемуся, надеть парик и стать перед кинокамерой!

Аналогичный случай произошел в том же году в Петрограде, на съемках режиссером А. Пантелеевым фильма «Уплотнение» по сценарию А. В. Луначарского. В фильме, рассказывающем о переходе части буржуазной интеллигенции на сторону Советской власти, шла речь о взаимоотношении между профессором и рабочим, которого «в порядке уплотнения» вселяют в профессорскую квартиру. Когда актер, приглашенный на роль профессора, заявил, что он ее «не чувствует», А. Пантелееву пришлось предложить эту роль... председателю Петроградского Кинематографического комитета Д. Лещенко. В литературе этот факт часто фиксируется, но объяснения ему не дается...

Препятствия возникали на каждом шагу. Вдруг распространился слух, что весь фильм — беспочвенная авантюра, никем не поддерживаемая. Затем пошли слухи о том, что сроки, установленные комитетом, срываются.

Немедленно приехала комиссия Кинематографического комитета в составе новых работников этой организации — журналиста и критика А. Анощенко, художника Е. Иванова-Баркова, оператора М. Владимирского. Они придирчиво осмотрели павильон с новыми фундусными декорациями, с новыми металлическими крепами взамен старых театральных «откосов», с новыми площадками для верхнего света. И искренне порадовались вместе с нами... Начались съемки, но «загадочное» происходило вновь и вновь. Вдруг выключался свет, и Б. Михину приходилось часами звонить на станцию, кого-то уговаривая, кому-то угрожая. Наконец решили, несмотря на усталость, работать в две смены, чтобы захватить еще и вечерние часы, когда «чудес» со светом было меньше. Понимая предельное переутомление всей группы, Б. Михин организовал для нас специальный буфет, где всегда был хлеб и «чай» — горячая вода. Быть может, молодой читатель улыбнется сегодня по поводу этого достижения нашего директора, но по тем временам это было почти чудом!

Опасаясь саботажа, мы предприняли ряд мер по отношению к кинолаборатории. Оператор картины лично отвозил туда материал и дежурил до получения негатива. Только после этого начинался разбор фундусных декораций, и мы переходили к съемкам на натуре, пока собирались новые.

Вспоминая то время, можно только удивляться энергии, которую проявил коллектив киногруппы «Восстание». Декорации мгновенно строились художником В. Егоровым (автор оформления «Синей птицы» в Художественном театре). Ему самозабвенно помогал художник И. Степанов, удивительно молодой и энергичный, впоследствии работавший на «Союздетфильме» и «Мосфильме»... Фотографом был К. Кузнецов, впоследствии известный оператор Госкино и Межрабпомфильма, а также студии «Центрнаучфильм».

Для участия в массовых съемках были вызваны бойцы Московского гарнизона. По ходу действия некоторые из них должны были изображать белых, но они никак не хотели надевать погоны и царские кокарды! Красноармейцы наотрез отказывались играть врагов, зато с радостью изображали самих себя — защитников революции. Даже митинг, организованный нами, не помог, так и не удалось заставить бойцов надеть костюмы врагов, пришлось набрать статистов.

Преодолев все трудности, съемочный коллектив выполнил задание в установленный комитетом срок. Собрав его, мы с тревожным ожиданием смотрели каждый кусок, помня предостережения о том, что хроника никак не будет монтироваться с игровыми кусками. Опасения друзей были напрасными — картина смотрелась как единое целое.

Взволнованные, повезли позитив в Кинематографический комитет. Ожидая просмотра фильма руководством, я увидел в комитете разительные перемены. Появилось новое пополнение его сотрудников: Л. Замковой, кинорежиссер, ставший заведующим производственным отделом, художник-фотограф Иван Бохонов, Лео Мур (Мурашко), либреттист и режиссер, ставший редактором Кинематографического комитета, Валентин Туркин, сценарист и редактор, вскоре перешедший работать преподавателем в киношколу, организованную при комитете.

Фильм «Восстание» сразу одобрил Художественный совет комитета. Было дано указание срочно отпечатать пять-шесть копий для показа в дни первой годовщины Великого Октября на площадях Москвы, в красноармейских клубах. За это принялись Б. Михин и Д. Воржевский. Они организовали поездку группы в Покровские казармы к красноармейцам. Помню, что фильм произвел на красноармейцев огромное впечатление. Узнав, что герой фильма (артист Замятин) находится среди нас, они окружили группу тесным кольцом, интересуясь, где происходило братание с немецкими солдатами, в какой деревне шел бой за захват помещичьей земли. А затем Замятина стали качать, да так, что мы всерьез заволновались за него!..

Из казарм — сразу на площади Москвы!.. Мы показывали фильм прямо на открытом воздухе. И всюду с неизменным успехом! Он воспринимался как рассказ о реальных фактах действительной жизни...

К сожалению, фильм (по сообщению работников Госфильмофонда) не сохранился. У меня же осталась одна-единственная фотография рабочего момента. Думаю об этом, и не исчезает надежда, что историки кино, сумевшие разыскать и восстановить первую экранизацию повести А. М. Горького «Мать», созданную мною в 1919 году, найдут следы и «Восстания», дорогого как памятник удивительного времени, когда делал первые шаги советский кинематограф.

А. ЗУБОВ,
Л. ЛЕРОВ

Рисунки И. УШАКОВА.

«ЗА» И «ПРОТИВ»

Целый час Бутов и Михеев докладывали генералу о ходе операции «Сократ», о найденном шпионском снаряжении, о первых показаниях Веселовского, свидетельствах Сергея, Ирины. И о самом последнем сообщении Роны по поводу одного важного факта, остававшегося невыясненным: действительно ли в досье Сократа пятнадцать донесений, как утверждал Егенс? Теперь все ясно. Рона, сообщая о докладе Егенса Рыжему, приводит его слова: «Я пытался прощупать Сократа, заявив, что в его деле пятнадцать донесений, переданных им Квальману. Но, кажется, ничего не вышло. Рубин искренне негодовал по этому поводу: «Шантаж, провокация». Я полагаю, что он в качестве разведчика не был практически использован абвером...»

Генерал Клементьев любит точно препарировать все факты: это «за», это «против». В графе «за» появилась значимая запись: донесения Квальману — шантаж, снаряжение обнаружено. Правда, нет еще заключения экспертов. И тем не менее найденное снаряжение шпиона весомо легло в графу «за». Но и в графе «против» еще не все перечеркнуто. На первом месте Стамбул... Генерал расценивает эту историю как второе по значимости грехопадение Рубина. Ведь тот не может не знать: Нандор со стамбульского базара по роду своей деятельности родной брат господина Брайткопфа из гитлеровского абвера.

...У Бутова своя особая манера докладывать о ходе операции: полковник докладывает так, будто никого в комнате нет и он сам с собой ведет диалог...

— Кто же есть Рубин? Имеются ли основания считать, что он нас водит за нос? Их стало меньше, таких оснований, но они еще имеются... По каким-то причинам доктор пока не выкладывает всей правды,— не хочет или не может? Или боится? Начал рассказывать о контактах с Глебовым, показал письмо Ирины и на полуслове остановился... Да, были обстоятельства, прервавшие нашу беседу в Плетневке. Ну, а потом? Сколько было поводов вновь вернуться к этому разговору? Не вернулся. Что это — трусость, страх? Или он сам лишь подсадная утка? Тогда зачем приезжал Егенс? Тактический маневр? А сообщения Роны?..

Генералу нравится эта бутовская манера вести диалог с самим собой. Но вот Бутов уже перестал задавать вопросы Бутову, и теперь генерал спрашивает его:

— Что предлагаете, Виктор Павлович? Выводы? Соображения?

— Склонен думать, что имеем дело с человеком нечестным. Заявление в КГБ и дополнение к нему — не от души, от расчетливого ума и чувства нахлынувшего страха. Но даже и сейчас, охваченный смертельным страхом, кое-чего недоговаривает, на что-то еще надеется.

— Да-а-а... Человек он ничтожный... Ничтожный! И в то же время... Как бы это вам объяснить сложную жизненную коллизию... Мы с вами свидетели трагедии — трагедии человека со слабой волей. Ведь замысел-то его был нацелен на то, чтобы обмануть абвер. Задумано было хорошо, а силы воли не хватило... Да, это человек мелких чувств, среди которых первое место занимает животный страх. Вы, Бутов, точно подметили: смертельный страх. Но я думаю, что не сегодня-завтра вы услышите от него и про Глебова и про Стамбул... Попрошу вас, Виктор Павлович, предусмотреть варианты дальнейшей нашей работы с Сократом... Если, конечно, результаты экспертизы будут благоприятными. Варианты должны быть рассчитаны на различный поворот событий. Вы меня поняли?

— Да, товарищ генерал. Варианты будут подготовлены. Разрешите идти?

— Подождите... Я говорил вам о трагедии... Вот тут, кажется, ее последний акт.

И генерал развернул лежавшую на столе зеленую папку...

— Вчера вечером,— снова заговорил генерал Клементьев,— мне доложили о судебном процессе над предателем Родины. Двадцать пять лет Аким Климов скрывался под чужой фамилией в разных краях страны. До войны жил в Москве, учился с Рубиным в одной группе. Вместе с ним уехал на практику. В одну и ту же область, но в разные города. Когда в город ворвались гитлеровцы, явился в гестапо с доносом на главного врача больницы, не успевшего эвакуироваться: «скрывает комиссаров». Был завербован — и в гестапо приказали ему найти местную подпольную организацию, стать ее членом. Вот его показания... Предатель выдал гитлеровцам фрау Миллер, советскую разведчицу, заброшенную в их тыл. После безрезультатных, хотя и с применением пыток, допросов ее повесили...

Генерал нахмурился, отложил папку в сторону, и в кабинете воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным тиканьем стоявших в углу старинных часов.

— Вы не назвали подлинное имя фрау Миллер, товарищ генерал...

— Елена... Та самая Елена, о которой рассказывал вам Рубин, та самая Елена, от которой он трусливо шарахнулся в сторону, как только почуял, что над ее головой сгущаются тучи. Даже встретиться побоялся с ней. А она вон какой оказалась!

Наступила долгая пауза. Бутов ждет, что еще скажет генерал о Елене. Но Клементьев молчит. О чем-то думает, расхаживает по комнате и вдруг резко говорит:

— Трусость всегда была сродни подлости!.. Вот, что еще эксперты скажут? Заключение получено?

— Да. Правдивость заявления Рубина подтверждается. Рация, пистолет, деньги не использовались. Я могу сказать об этом Рубину?

— Можете! Когда намерены с ним встретиться?

Бутов посмотрел на часы.

— Если разрешите, завтра...— Он смущенно улыбнулся и добавил: — Дочка в восьмой перешла. Круглая отличница. Сегодня семейный культпоход на «Пиковую даму». А завтра утром я буду у Рубина. Но мы с вами еще не решили — сообщать ли доктору о Елене?

Генерал провел ладонью по волосам, привстал было из-за стола, снова сел.

— Трудный вопрос! — Да, ему, Клементьеву, известно состояние здоровья Рубина: врачи настаивают на госпитализации. А тут еще один удар. И какой! — Вы-то как считаете, Виктор Павлович?

— Думаю, что тяжко ему будет. Сложное наслоение всяких коллизий... Вспоминаю, как дрожал у него голос, когда он рассказывал про свой отъезд на практику... Побоялся даже встретиться с Еленой. Мол, карьеру испортит... А сейчас узнает! Что ж... пусть узнает: плата за трусость.

ЭХО СТАМБУЛЬСКОГО БАЗАРА

...Потом Рубин точно укажет Бутову время, когда раздался телефонный звонок: в двадцать один пятнадцать.

— Захар Романович?

— Да.

— Мне вас надо увидеть. Всего лишь на несколько минут. В двадцать два ноль пять буду ждать на Самотечной площади. У входа в сквер. Вам знакомо это место?

Наступило минутное замешательство, после чего Рубин почти закричал:

— Позвольте, кто это говорит?

— Ваш старый знакомый. Воронцов просил меня повидаться с вами и передать сувенир. Я звоню из автомата... Тут очередь, торопят. Кончаю разговор. Итак, в двадцать два ноль пять...

Положив трубку, Рубин минуты две простоял в растерянности. Как вдруг снова раздался телефонный звонок.

— Захар Романович?.. Это опять я. Прошу извинить, но мы встретимся на пять минут позже, в двадцать два десять. Иначе я не успею... На том же месте. Вы меня слышите, Захар Романович? Вот и хорошо. До встречи.

Охваченный тревогой, Рубин не потерял все же способности логично мыслить: «Зачем потребовалось неизвестному звонить второй раз? Проверить — свободен ли телефон, не тороплюсь ли кому-то сообщить о таком подозрительном звонке, кого-то предупредить? Или, может, хотел удостовериться, приду ли на встречу?.. Что же предпринять?» Рубин взял платок, стал вытирать потное лицо, поднял телефонную трубку, снова положил. Бросился к секретеру, достал телефонную книжку...

Сначала позвонил Бутову по служебному телефону. Никто не ответил. Позвонил домой — молчание. Тогда набрал номер, против которого было помечено «пож. сл.». Да, сейчас пожарный случай! Там, в КГБ, должны немедленно узнать о его, Рубине, телефонном разговоре с загадочным субъектом.

...Виктор Павлович с женой и дочерью были в это время в театре, сидели в ложе. Шла «Пиковая дама». Уже Германн прокрался в дом графини, уже явилась в свою спальню «сиятельная» старуха, знающая тайну трех карт, когда над креслом Бутова кто-то склонился и шепнул: «Срочно к телефону». Вызывал дежурный по управлению... «Только что звонил Рубин... Неизвестный требует встречи с ним в двадцать два десять, в сквере на Самотечной площади». Бутов посмотрел на часы — двадцать один тридцать — и усмехнулся: «Знакомый почерк аса разведки — минимум времени в распоряжении того, с кем хочет встретиться. На всякий случай — вдруг вздумает кого-то предупредить. Ну, что же, попытаемся не опоздать!»

...Жена и дочь уже привыкли к таким вот его сюрпризам... «Прошу прощенья... Покину вас на полчасика». А вернется глубокой ночью.

В двадцать два часа Бутов был в Комитете. От дежурного он сразу прошел к себе в кабинет. Через пять минут позвонил Рубин. Из автомата.

— Я нахожусь на пути к месту встречи...— Рубин рассказывает так взволнованно, сбивчиво, что сначала его трудно понять...

— Не волнуйтесь, Захар Романович. Максимум собранности и наблюдательности...— Бутов говорит ровным, спокойным голосом, будто речь идет о каких-то пустяках.— Действуйте так, как мы с вами однажды условились. Помните? Желаю успеха...— И тут же проверил, выехали ли оперативные сотрудники.

...Нандор встретил Захара Романовича при входе в сквер. Отрекомендовался:

— Меня звать Федор Федорович! Вот видите, пророк прав: гора с горой не сходится...

Он повел себя не как гость, а как добрый, мягкий, но требовательный хозяин, которому Захар Романович будто бы уже не первый год служит верой и правдой. Они вышли на безлюдную аллею, и Нандор продолжил:

— В свое время вы оказали мне честь, посетив в Стамбуле мой магазин. Я был рад этому.

Рубин вздрогнул, побледнел... Стамбул, базар — пестрый, многоголосый, многоязычный. И магазин с яркой вывеской — «Нандор и К°». И вежливый «полицейский комиссар» с металлом в голосе: «Мы вынуждены задержать вас, господин. Вы украли...» Хитрая ловушка, ловко расставленные на берегах Босфора сети... Теперь ему, Рубину, ясно: разговаривал тогда с ним не полицейский комиссар. А кто же? Кто он, этот «Федор Федорович»?

— Что вы хотите от меня? — не сразу, очень тихо спросил Рубин.

— О, совсем немногого. Дружбы и лояльности. И притом во имя наших общих интересов. Подчеркиваю — общих... Не будем сейчас уточнять детали, они носят преимущественно технический характер. Поговорим о главном. Если вам представится возможность, приезжайте к нам на Запад. В любом качестве. Само собой разумеется, что только на время. Там мы сможем более обстоятельно обсудить наши отношения, мы снабдим вас кое-чем. И вы вернетесь домой. Центр нуждается в услугах господина Рубина, когда он есть в Москве. Приезжайте... В какую страну? Это практически не имеет значения. Разумеется, в страну западного содружества. Вам даже не надо заранее уведомлять о выезде. У нас достаточно возможностей узнать день вашего приезда в любую страну Запада. Мы сами позаботимся о нашей встрече. Если вы приедете к нам с группой туристов, то от вас потребуется минимум находчивости: ненадолго избавиться от общества соотечественников. Обо всем остальном мы позаботимся сами. Вам все ясно?.. Если у вас самих ничего не получится с выездом на Запад, мы предпримем другие меры... Кто-нибудь из ваших западных коллег пригласит доктора Рубина персонально на симпозиум... В крайнем случае — для выступления с лекцией перед студенческой аудиторией. Если вы получите такое приглашение, не отказывайтесь, немедленно начинайте оформлять выезд. О средствах на поездку можете не беспокоиться. Денег у вас будет достаточно.

Окончание. См. «Огонек» №№ 37—44, 46.

Рубин пытался заглушить душившую его злость: «Позвольте... О чем вы говорите... Вы представляете, что это сулит...» Нандор прервал его с легкой снисходительностью: «Я много лет провел на Востоке, господин Рубин, и хорошо знаю коран. В нем, между прочим, написано: «Вчерашний день прошел, завтрашний еще не наступил, у тебя есть только сегодня». Вам все ясно?»

И вдруг рядом с ним, словно из-под земли, появился высокий, элегантно одетый, худощавый молодой человек...

— Простите, как отсюда проехать до Киевского вокзала?

Рубин стал объяснять. Молодой человек внимательно слушал и — может, это ему лишь показалось? — пристально рассматривал доктора. Потом поблагодарил и неторопливо зашагал к троллейбусной остановке. И тут Захар Романович обратил внимание на неожиданное совпадение — в руках молодого человека был точно такой же портфель, как у Нандора. Два совершенно одинаковых, стандартных, темно-коричневых портфеля. Нандор, видимо, перехватил недоуменный взгляд Захара Романовича...

— О, вы очень наблюдательный джентльмен,— сказал он.— Я буду докладывать шефу, что вы отлично ориентируетесь в обстановке. В своем докладе я отмечу, что вы всегда быстро принимаете единственно правильное решение. Я заметил это еще тогда, на базаре, в Стамбуле...

СТРАХ

Да, сети действительно расставлены ловко! Рубин весь сжался. Ему ясно: эти сети подняли груз и его давних «деяний»... Так... так... «Привет от Воронцова»... «Значит, агенты иностранной разведки нашли досье, заведенное на него еще гитлеровцами». И вот уже Нандор берет его под руку, ласково говорит: «Возьмите этот мой портфель. Здесь две русские книги по биологии. Больше ничего нет. Теперь запоминайте: завтра утром, в восемь сорок, с этим портфелем вам надлежит быть у Рижского вокзала на остановке автобуса номер девяносто восемь, идущего к центру. В Москве в этот час люди едут на работу и автобусы всегда переполнены. Вы займете очередь. За вами встанет тот самый молодой человек, которому вы только что объяснили, как проехать до Киевского вокзала. Вы будете держать портфель в правой руке, ваш спутник — в левой. В автобусе вы обменяетесь портфелями. Других контактов между вами не должно быть. Вы не знаете друг друга и не должны знать. Получив портфель, можете сходить на любой остановке. И тут же, немедленно отправляйтесь домой. Запомните — домой! Портфель вы откроете дома. Только дома! И, конечно, без свидетелей. В портфеле вы найдете все необходимое для вас.

И, попрощавшись, Нандор широким, энергичным шагом направился к площади.

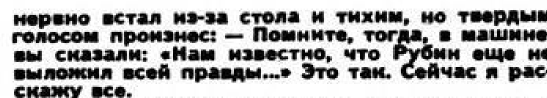
...Идут минуты, долгие, как годы. Захар Романович сидит в кресле своего домашнего кабинета и ждет Бутова. Только что они договорились по телефону о встрече. Чем она закончится? Как объяснить Бутову, почему до сих пор молчал о Стамбуле, Нандоре?.. Почему до конца не рассказал о последних контактах с Глебовым? Поверит ли? И словно в калейдоскопе проносятся перед ним страшные картины прошлого, о котором он так мучительно старался забыть...

Как всегда, Бутов, поприветствовав хозяина дома, осведомился о его здоровье и настроении. Тот с трудом поднялся навстречу гостю, и Бутов встревожился.

— Вам нездоровится, Захар Романович? Может, отложим наш разговор?

— Нет, нет. Категорически возражаю. Нельзя. Обстоятельства требуют. И потом... Нам надо о многом переговорить. Я не могу больше... Я устал...— Он умоляюще посмотрел на Бутова и уже не сказал, а, задыхаясь, прохрипел: — Я устал от страха!.. Сейчас вы все поймете, Виктор Павлович. Начнем вот с этого.— И он достал из кармана пиджака какую-то крохотную штучку.— Вот ваш милифон. Тут запись моей сегодняшней беседы с иностранцем. Но прежде, чем вы прослушаете ее, я должен сообщить вам нечто такое...— Рубин потер руками лицо,

нервно встал из-за стола и тихим, но твердым голосом произнес: — Помните, тогда, в машине, вы сказали: «Нам известно, что Рубин еще не выложил всей правды...» Это так. Сейчас я расскажу все.

И Рубин поведал обо всем, что случилось с ним на базаре в Стамбуле. Ничего не утаил. А потом долго, со всеми подробностями, рассказывал о сегодняшней беседе с Нандором и об охватившем его ощущении собственного бессилия: «Мне показалось, что я никогда не смогу сказать вам всей правды. Так и останусь вечным рабом страха... Но, как видите... Одолел».

Виктор Павлович слушал Рубина молча и только, когда был упомянут Владик Веселовский, спросил:

— Когда вы его видели в последний раз?

— В тот день, когда пришел к вам, в КГБ. Утром я отправился на работу и недалеко от дома, лицом к лицу, столкнулся с ним. Мне показалось, что он подстерегал меня. Он был очень встревожен, говорил сумбурно.

...Накануне вечером в аэропорту Владик встретил только что прилетевшего в Москву товарища Глебова по работе, инженера Глухова — они были знакомы. Глухов сообщил об автомобильной катастрофе в Карпатах. Глебов погиб, а его спутница, москвичка, жива... Катастрофой, Глебовым, москвичкой заинтересовалась милиция. А может, и КГБ... Ходят слухи о какой-то таинственной телеграмме, полученной москвичкой в канун катастрофы. На квартире у Глебова был обыск, забрали какие-то письма, книги, пленки... Владик выпалил все это скороговоркой и тут же спросил Рубина:

— Как отдыхает Ирина, она, кажется, поехала в те же края? — Веселовский и вида не подал, что догадывается, кто эта «москвичка». И Рубин, приняв за чистую монету его вопрос, охая и ахая, стал рассказывать, что «москвичка» — это Ирина, что сегодня в шесть утра звонила тетка и сообщила примерно то же, что и Глухов. Владик стал бурно выражать сочувствие, успокаивать, а потом торопливо потащил Рубина в безлюдный переулок и, оглянувшись по сторонам, проговорил:

— Невеселые дела, Захар Романович! Попали в вагон для некурящих. Советую не афишировать наши встречи... Кстати, вы не посылали Глебову письмо? Когда отправили? До востребования?.. А что писали, если не секрет?

Рубин ответил:

— Поблагодарил за книгу, сообщил, что вы мне звонили, но обещанных Глебовым пластинок не передавали.

Содержание письма явно расстроило Владика, хотя он старался держаться бодрячком — ему ведь известно, о каких пластинках шла речь — так между собой называли они магнитофонные записи бесед о «свободе и демократии» по западному образцу.

— Что ж, Захар Романович!..— сказал он.— Ничего страшного тут нет, но, как говорится, береженого бог бережет... Глебов, кажется, помогал вам в приобретении кое-каких картин и книг... Так вот, запомните: ничего этого не было. С Глебовым вы встречались один-два раза... Мимолетное знакомство. Со мной тем более...

Веселовский попрощался и быстро ушел.

— Ну, а вы? — спросил Бутов, не выказывая, однако, своего нетерпения.— Как вы поступили?

— Что же я... Не поехал на работу, вернулся домой, растерянный, насмерть перепуганный. Встречи с иностранцем, напомнившим о прошлом, и с Веселовским, взбудоражившим настоящее, сплелись в сознании в один клубок. В голове был полный сумбур. А тут еще в памяти всплыл стамбульский базар... В тот час страх окончательно утвердил меня в решении пойти в КГБ, чтобы сообщить о Егенсе. Пока только о Егенсе. А дальше видно будет. И это была моя ошибка. Но в те минуты мне важно было сбросить с себя груз тайны сорок второго года. Она тяготила меня более двадцати пяти лет. Все остальное — так тогда мерещилось мне — производное от сорок второго... Я позвонил на работу, сказал, что плохо чувствую себя, и направился к вам. О моей жизни во время войны вы знаете все... Я ничего не утаил. У вас нет оснований не верить... Осталось только получить заключение экспертизы.

— Мы его получили,— сказал Бутов, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

— И что же?..— задыхаясь от волнения, спросил Рубин.— Почему вы молчите? Я ведь сна лишился, ожидая.

— Теперь можете спать...— Бутов хотел сказать «спокойно», но воздержался.— Экспертиза установила, что снаряжение не было в работе.

— Виктор Павлович! Мне трудно сейчас сказать нужные слова... Вы поймите... Это же...

Его сбивчивую речь прервал телефонный звонок. Рубин взял трубку, и сразу же лицо его просветлело.

— Нет, нет, я не сплю еще... У меня сейчас отличное настроение. Да, да, есть основания... Спасибо, родная, чувствую себя лучше. Недостает тебя. В доме пусто. А папины как дела? Моя помощь не требуется?

И вдруг помрачнел, насупился...

— Не расстраивайся, Ира. Это все сложно... До свидания. Я терпеливо буду ждать...

Он положил телефонную трубку и тяжело зашагал по комнате.

— Сядьте, пожалуйста,— сказал ему Бутов.— Вам требуется покой. Но если можете, то ответьте: после того письма Ирины это первый ее звонок к вам?

— Нет, не первый. Она приходила сюда. Встретила на улице моего аспиранта и узнала от него, что я болен. У нас было тягостное объяснение. Она сказала, что, так быстро покинув наш дом, поступила как взбалмошная девчонка, но это был взрыв давно накапливавшихся чувств негодования, осуждения, возмущения. А

тут нашелся родной отец... Она все-таки говорила со мной жестко... Нервы не выдержали, я расплакался. Потом рассказал ей все. Все, кроме сорок второго года... Даже будучи в таком состоянии, я не забыл вашего предупреждения. Я впервые, кажется, увидел свою сдержанную Ирину в таком состоянии. Бог ты мой — чего только я не услышал: это очень страшно, когда вдруг узнаешь, что человек, который был близок тебе двадцать пять лет, вовсе не близок...

— А вы не подумали о том, что Ирина, вероятно, испытывает точно такое же чувство? И возможно, в еще более острой форме?

— Но она теперь рядом с отцом, а вокруг меня пустота...

— Кстати, об отце. Она что-нибудь говорила о нем?

— Я о нем почти ничего не знаю. По непонятным причинам Строков с какой-то исступленностью твердит, что не хочет меня видеть. Того же требует и от Ирины... Странно, дико... Но я надеюсь, что мы станем друзьями... Обычная послевоенная ситуация.

— Вы уверены, что ситуация обычная, что вы станете друзьями...— Бутов пристально посмотрел на Рубина и спросил: — Вы смогли бы восстановить в памяти все детали допроса партизана в фашистском застенке?.. Я имею в виду допрос, который абвер в порядке проверки поручил вести вам.

Захар Романович привык к самым неожиданным вопросам Бутова, к его резким переходам от одной темы к другой. Но сейчас ему показалось, что за вопросом Бутова стоит нечто большее, чем манера разговаривать.

...Жестокая человеческая память! Рубин часто думал о том партизане, которого допрашивал по приказу офицера абвера. Иногда по ночам он просыпался в поту: он будто вновь слышал его крики в зловещей камере фашистского застенка. И ему становилось страшно от мысли, что и он, Рубин, может оказаться на одной скамье с военными преступниками. У него не хватило духу написать в своем покаянном письме в КГБ, как все было... Ни писать, ни рассказать. Он старался забыть об этом. Да и стоит ли самому бросать в себя лишние комки грязи? И только в последние дни его стали тревожить сомнения: «Нет, зря я не написал! Ведь в общем-то все самые тяжкие мои прегрешения уже известны КГБ. Надо было сообщить и о допросе партизана...»

Да, он допрашивал его так, как того требовал офицер абвера. Он знал, что это проверка, и не мог поступить по-другому, иначе задуманная им операция лопнет как мыльный пузырь. А операция задумывалась широко, и только его малодушие помешало довести дело до конца. И теперь тоже... Страх водил рукой его, когда он писал в КГБ. Не хватило силы воли написать всю правду. И о Стамбуле... И о допросе партизана... Так и остались висеть на его шее эти камни. И вот неожиданный вопрос Бутова... И эти его слова: «А может, имеются такие основания?» Что он хотел сказать? Затем странное поведение Стронова... Вдруг к Рубину пришла жуткая догадка: неужели это он и есть, тот партизан?! И Захар Романович простонал:

— Не терзайте мою душу, Виктор Павлович! Я не могу больше...— Рубин запнулся, а потом твердым голосом сказал: — Хорошо, я постараюсь восстановить в памяти все, как было...

И он со всеми подробностями рассказал, как, выполняя приказ офицера абвера, допрашивал партизана.

— ...Это последний камень, который я сбрасываю со своей шеи. Я виноват. Не только в том, что было в прошлом... Это само собой. Виноват и в том, что сразу не раскрылся. Полностью. Во всем. Вы можете судить, карать меня. Но поймите, я уже пытался вам объяснить... Страх!

Два человека, не глядя друг на друга, сидели молча. Каждый думал о своем. Бутов сейчас вспоминал: такие встречались на его пути... Таких людей один только страх делал подлецами.

— А тот партизан... Бывший партизан Строков...— Бутов заговорил тихо, медленно, пристально вглядываясь в собеседника.— Он не захотел видеть вас, Захар Романович. И дочери своей не сказал, кто такой ее отчим. И Сергею ничего не сказал. «Пусть,— говорит,— молодые не узнают про все мерзости житейского бытия». Что ж, пожалуй, он прав. Но нас все же интересует, почему вы при первой нашей встрече так уклончиво, обтекаемо, скороговоркой говорили об этом вашем деянии.

— Все то же, Виктор Павлович.... Страх... Я понимал, что гитлеровцы вовлекали меня в гнусное дело... Даже несмотря на то, что мои руки не оказались обагренными кровью Строкова. Я не пытал, не бил... Гитлеровцев устраивал сам факт моего участия в допросе, и я догадывался, для чего это им нужно... Но ведь вы могли в этой связи подумать обо мне что угодно. А если бы Строков не нашелся? Могли допустить и более страшное. Например: «Не расстреливал ли он соотечественников?» Поймите же меня!..

Рубин тоскливо смотрит на Бутова и после долгой паузы спрашивает:

— Строков знает, как я оказался в абвере, почему вел допрос? И что я пришел к вам?.. Не знает? Вот видите... Зачем же...— И тут же Рубин осекся. Понял: не ему задавать вопросы. Да еще такие...

А Бутов, словно и не было никакого вопроса-упрека, сказал:

— Но я вам еще не все сообщил, Захар Романович. Вы помните Елену?

Рубин вздрогнул и испуганно посмотрел на Бутова.

— «Помню» — это не то слово, Виктор Павлович... Я обожал, боготворил ее и никогда не прощу себе, что уехал, не повидавшись с ней. Это тоже было малодушие.

— Возьмите себя в руки, доктор... Елену казнили гитлеровцы.

ДИПЛОМАТ

В Комитет Бутов приехал в час ночи. Его ждал Михеев с сотрудником из группы контрнаблюдения. К тому, что уже было известно полковнику, они добавили не многое.

В Москву Нандор прибыл в качестве представителя посреднической фирмы химического концерна. Когда он звонил Рубину, у него уже был билет на самолет в Белград — отлет сегодня в восемь двадцать.

Да, действительно, прогуливаясь с Рубиным по парку, Нандор все время держал в правой руке портфель. Потом к ним подошел человек точно с таким же портфелем, как у Нандора. Затем, после каких-то расспросов, он вышел из сквера, обогнул площадь и вернулся в сквер уже с другой стороны. Есть основание полагать, что он вел наблюдение не столько за Нандором и Рубиным, сколько за теми людьми, которые в это время находились в сквере,— нет ли «хвоста»? Во внешности незнакомца нет ничего примечательного — высокий, худощавый, в сером костюме, без головного убора, с длинными, гладко зачесанными назад волосами цвета соломы. Выглядит еще довольно молодо... Он уехал на троллейбусе, но вскоре сошел и долго плутал по Москве, разъезжая то в метро, то на автобусе и такси, снова в автобусе, затем в троллейбусе. И своего достиг — ему удалось уйти из-под наблюдения.

Бутову ничего не оставалось, как выразить по этому поводу свое недовольство...

— Ну что же, подождем до утра. По домам. Напоминаю — восемь десять, остановка автобуса у Рижского вокзала.

...В восемь сорок на остановке автобуса у Рижского вокзала появились Рубин и тот человек, который подходил к нему вчера в сквере. Бутов сразу узнал «незнакомца»: Рейган, сотрудник одного из иностранных посольств. Как же, встречались... Этот «дипломат» уже давно находился в поле зрения контрразведки. Было известно, что его деятельность в Москве не имела ничего общего с дипломатической службой. У Рубина и Рейгана в руках — портфели-близнецы...

Ожидать автобуса пришлось недолго. Битком набитый, он подкатил в восемь сорок две. Рейган и Рубин протиснулись в машину и, прижатые друг к другу, обменялись портфелями.

Михеев проследовал за Рейганом. «Дипломат» сошел в центре. Пересел на троллейбус. Потом спустился в метро. Вышел у Белорусского вокзала. Куда-то позвонил по телефону-автомату. Снова сел в такси и помчался в международный аэропорт Шереметьево. Там его ждала молоденькая девушка с чемоданом. Рейган взял чемодан, поцеловал девушку и направился к пункту регистрации пассажиров. Через час он вылетел в Вену.

А Бутов уже был на квартире у Рубина и вместе с ним рассматривал нандоровские «сувениры»... В портфеле лежали портативная радиостанция, конверт с советскими деньгами и конверт с инструкциями: «В эфир выходить два раза в месяц, не чаще. Каждая передача должна содержать не более двух страниц машинописного текста». В конце инструкции напоминание: «Действуйте, как вас учили. Прилагаемую открытку бросьте в любой почтовый ящик через пять дней. Когда мы ее получим, это будет означать, что у вас все в порядке и что между нами установилось взаимопонимание». На открытке адрес дома в Вене и всего лишь несколько слов: «Я здорова, чувствую себя хорошо. Путешествуем без приключений. Целую. Герта». Бутов читает инструкцию вслух и улыбается. «Так как же, Захар Романович, помните еще, чему вас учили?» «Не надо так зло шутить, Виктор Павлович...» «Я не шучу... События могут повернуться по-разному...» «Не понимаю...» «Со временем поймете. А пока... Я не прочь выпить кофе с коньячком... Как вы?» «Всегда к вашим услугам». «А самочувствие, настроение? Как спали ночью?» «Не спал... Настроение и самочувствие соответственно событиям... Рано утром звонила Ирина. Вечером она придет ко мне с отцом. И с Сергеем...» — Рубин уперся локтями в колени и, закрыв лицо ладонями, стал усиленно протирать пальцами глаза. Так, не проронив ни слова, они сидели друг против друга несколько минут — несостоявшийся разведчик, оказавшийся вне игры Сократ, и контрразведчик Бутов...

ВНЕ ИГРЫ

— Ну, вот, кажется, и все, товарищ генерал... Первая часть операции завершается. Теперь вырисовывается ситуация, при которой Сократ может оказаться полезным для нас человеком.

— Полезным или преданным? По велению обстоятельств или души? Это ведь разные понятия, Виктор Павлович.

— Разные, товарищ генерал... Понимаю... В том, что он может оказаться полезным человеком, не сомневаюсь. А насчет... Я не склонен верить в чудеса, в ошеломляющие своей быстротой «перековки»... Да еще таких, как Рубин. Не уверен, можно ли вводить его в игру? Если подвести итоговую черту...

И Бутов, резко чеканя слова, говорит:

— Состава преступления нет...— Затем, уже раздумчиво: — Разве только вот... Недонесение... А между тем человек этот вызывает...

Полковник ищет подходящего слова, а генерал, угадав его мысль, продолжает:

— Есть еще кодекс не уголовный, а нравственный. В нем тоже статьи имеются. И тем не менее...

Генерал тоже не договорил и стал осторожно стряхивать пепел сигареты в пепельницу, явно затягивая столь простое дело. Ему надо собраться с мыслями. Генерал иногда ловил себя на том, что вынужден оставлять без прямого ответа, казалось бы, самый простой вопрос. И радовался, когда позже становилось очевидным, что вопрос не так уж прост, каким показался с первого взгляда. Вот и тогда...

О том, что случилось в его жизни тогда, много лет назад, сегодня ему напомнил Указ, опубликованный в газете: крупному ученому в связи с восьмидесятилетием со дня рождения за большие заслуги перед наукой присваивалось звание Героя Социалистического Труда. Газета лежала на столе, и Указ был обведен красным карандашом. Поэтому Бутов сразу обратил на него внимание. Генерал, перехватив его вопрошающий взгляд, негромко, тяжело роняя слова, сказал:

— Когда-нибудь, Бутов, я расскажу вам историю этого человека... Поучительная история... Глубокий след в моей жизни оставила она...— И не стал больше распространяться. В мгновение нахлынуло все пережитое в первые послевоенные годы...

...Клементьеву, начальнику одного из ведущих отделов, в тот день присвоили звание полковника. В кабинет заходили коллеги, поздравляли, в шутку требовали сегодня же «обмыть звездочку», иначе «отлетит». И в шутку же говорили: «Смотри, Клементьев, нос не задирай». Шутка шуткой, но в общем-то все поздравлявшие полковника всерьез прочили ему переход на новую, ответственную работу. За плечами у него большой опыт работы в КГБ. Человек он приметный: поразительная энергия, трудолюбие, аналитический склад ума...

Памятный день уже близился к концу, когда на стол полковника легло письмо с резолюцией: «Срочно. Разберитесь. Доложите».

Клементьев бегло пробежал письмо и сразу же обратил внимание на подпись: «Преданный вам А.». И все. Анонимка. В ту трудную пору, увы, анонимщики имели силу, знали, что все равно письму дадут ход. И Клементьев, прежде всего подчеркнув карандашом подпись «преданный вам А.», стал тщательно изучать анонимный донос.

...Начальник Главка союзного министерства, профессор, доктор технических наук, в недавнем прошлом директор большого научно-исследовательского института, обвинялся в тяжком преступлении. Некий «А» с поразительным знанием биографии профессора, обстоятельств его жизни сообщал, что начальник Главка, отправившись в одну из капиталистических стран на конгресс, посвященный техническим проблемам, прихватил с собой пол-листа машинописного текста с секретными данными — некоторые параметры вновь сконструированных машин. «Преданный вам А.» требовал арестовать шпиона.

Под непосредственным руководством Клементьева его ближайший помощник занялся проверкой анонимки. На первый взгляд все было ясно: да, факты, сообщенные в письме, имели место. Да, выезжал за границу на конгресс. Да, взял листок бумаги с упомянутыми параметрами. Да, когда-то отец его был нэпманом. Да, по этой причине его не принимали в вуз, пока он сам не поступил на завод рабочим... Но было одно важное обстоятельство, которое автор анонимки обошел молчанием. Когда профессор уезжал за границу, данные о новых машинах уже не представляли собою секрета — они были опубликованы в открытой советской печати. А что касается поведения самого профессора в заграничной командировке, то оно было безупречным. Так и зафиксировали в справке, подписанной Клементьевым: «Данных для привлечения к уголовной ответственности нет. Обвинение в шпионаже лишено всяких оснований».

Эту его справку передали Берия, а через день она вернулась к Клементьеву с резолюцией: «Шпиона арестовать».

Что делать? Слепо выполнять приказ или... Полковник хорошо знал, что может последовать за этим «или». Оставшись один на один со своей совестью, после бессонной ночи полковник принял решение: «Попытаюсь добиться приема и убедить...» Приема он добился и постарался максимально коротко доложить свои впечатления от встреч и бесед с профессором, сказал, что выводы сделаны из тщательного анализа фактов. Клементьева грубо оборвали: «Все... Можете идти!..»

Клементьев отказался писать и подписывать постановление на арест профессора.

Нетрудно всей мерой оценить мужество и принципиальность человека, решившегося в ту пору на такой шаг... То был приговор самому себе. Клементьев это знал. Но сначала ему пришлось выдержать долгий, трудный разговор с другом-сослуживцем, который затем перестал быть его другом...

Клементьева освободили от работы. Несколько месяцев, по выражению того же «друга», он находился в «подвешенном состоянии»... Наконец с большим понижением в должности его послали работать на Север.

Пройдет несколько лет... Клементьева — а он остался все таким же честным, верящим в силу правды, принципиальным коммунистом — вернут в Москву, и тот самый «друг» будет лобызать его, будет доказывать товарищам, что Клементьев — кристально честный человек. Этого «друга» давно уже нет в семье чекистов, а Клементьев нет-нет да и вспомнит о нем, и сразу же охватывает его ощущение какой-то брезгливости, желание руки вымыть...

И вот сегодня он прочел в газете Указ... Тот самый профессор! Выжил, не погиб. Правда восторжествовала! Годы и судьбы!.. Сегодня вечером он, Клементьев, позвонит ему и поздравит. А пока надо решать дело другого ученого... Аналогичное? Нет, нет, не то! Другое, особенное, куда более сложное при всей кажущейся простоте. Да, состава уголовного преступления нет, но человек этот был в двух шагах от него. Уже барахтался в сетях, заброшенных издалека с помощью Веселовского и Глебова.

...Вот сколько тревожных мыслей может пронестись за какие-то мгновения! А Бутов терпе-

ливо ждет, уловив в последней реплике генерала «тем не менее» какое-то неполное согласие с собственной позицией. Однако, кажется, пора напомнить о себе... И он несколько официальным тоном спрашивает:

— Итак, какие будут указания, товарищ генерал?

— Я полагаю, что следует использовать сложившуюся ситуацию и взять под контроль действия противника. Все обстоятельства — за...

— Использовать? В какой мере? И как тут совместить... Значит, он уже не ответствен за все свои прошлые деяния? Значит, мы оказываем ему доверие? Как он это истолкует? Есть ли у нас основания и право на такое доверие ему? — Полковник несколько запальчиво выплеснул все эти вопросы и теперь выжидающе смотрел на генерала... А тот, выпрямившись, устало проговорил:

— Эх, Бутов, Бутов!..— Потом улыбнулся и продолжил: — Хотите генерала в угол загнать? Ишь, сколько сомнений сразу. «Есть ли основания, право»... Да поймите же, Бутов, что у нас практически нет выбора. Кем вы замените Рубина в игре? А она обязательно должна состояться. Этого требуют интересы государства. Противник, продолжая начатую несколько лет назад операцию, вступил в непосредственный контакт с Рубиным, и мы обязаны вклиниться в эту операцию. Да, Рубин — человек ничтожный... Вы правы. Он заслуживает наказания. Ему надо искупать свою вину...

— Он меньше всего думает о том, как будет искупать свою вину...— сказал Бутов.— Его сегодня интересует лишь судьба собственной персоны. Если бы он мог, то сегодня же скрылся... Поймут ли нас, товарищ генерал. Уж больно грязен этот Рубин...

— Когда речь идет о безопасности государства, нельзя пугаться: что скажут, поймут ли... Не бойтесь — поймут! Люди наши умные. Мы не отпускаем Рубину его грехи. Но он вместе со всеми своими грехами нужен нам сейчас для контрдействий против противника. То есть практически Рубин останется вне игры. Подчеркиваю — вне игры! Да, да, и не требуется его непосредственное участие в ней. Эту работу возьмете на себя вы. Но Рубин — приманка для шакалов. Мы заинтересованы в том, чтобы он пребывал в здравии и даже вел прежний образ жизни. Его хозяева, несомненно, будут интересоваться им, проверять. Значит, и нам нельзя быть в стороне.

Генерал поднялся с места и уже другим тоном, чуть резковато, твердо объявил:

— Действуйте, Бутов! Как условились...

И в той же тональности последовал ответ — короткий, четкий: «Будет сделано». Только где-то про себя Бутов продолжал диалог, подумывая, о том, что у Клементьева всегда вот так, его мало интересует, что скажут, поймут ли. Его надежные ориентиры — закон, безопасность государства, долг коммуниста. По этим ориентирам он и находит единственно правильное решение. Бутов не знал, что так было и тогда, когда Клементьев держал труднейший в жизни экзамен, и обведенная красным кругом заметка в газете имеет к тому экзамену прямое отношение. Вот и сейчас Клементьев взвешивает все «за» и «против»...

Итак, с Сократом все ясно. Теперь надо решать последний и, учитывая предстоящую игру, не менее сложный вопрос: Владик Веселовский... Следствие закончено. Веселовский во всем сознался и дал исчерпывающие показания. Состав преступления налицо, и дело надо передавать в суд. Однако после суда хозяева Владика могут получить сигнал тревоги: советская контрразведка начинает ворошить гнездо, к которому и Сократ в какой-то мере причастен. Значит, операция может сорваться? Если КГБ арестовало Веселовского, то и до Рубина доберутся.

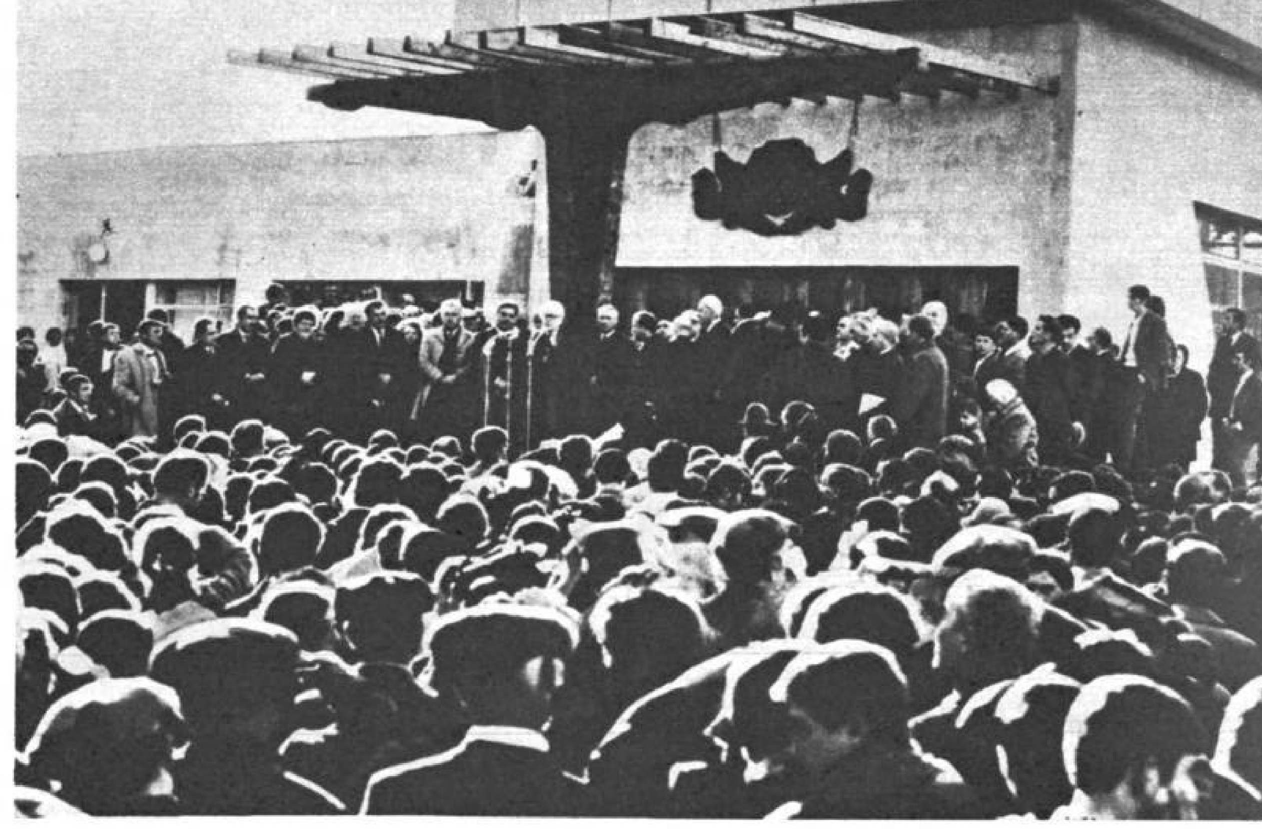
— Что же будем делать, товарищ генерал? Может, и Владика на волю выпустим? Пусть живет, как жил прежде...— И Бутов хитро улыбнулся.

Но генерал не склонен принимать этот шутливый настрой полковника. С Владиком Веселовским не до шуток. Дело трудное, надо что-то придумать.

Веселовского арестовали на пути в Батуми, в вагоне пригородного поезда. Ирина и Сергей предупреждены: «Никто не должен знать о том, что вас вызывали в КГБ». Все это во имя далеко идущего замысла. И вот настала пора ставить точки над «i». Генерал говорит четко, отрывисто:

— Веселовский не из тех, которые спешат оповестить друзей о случившемся... Нет, это не в его правилах, не захочет этот «король» признать себя голым... Владика очень устроит такой вариант, при котором кто-то из его соратников вдруг получит письмо. «Рванул, братцы, на Север, разрабатывать золотую жилку... Вернусь крезом, но, вероятно, не очень скоро... Пишите, буду рад...» Помните, Виктор Павлович, как на одном из первых допросов Веселовский просил следователя: нельзя ли сделать так, чтобы о его аресте и о суде не сообщалось в прессе, чтобы в общем-то не афишировать его грехопадение, скрыть от дружков... Пожалуй, есть смысл пойти ему навстречу... Как считаете, Бутов? — улыбнулся генерал.— Вариант, что называется, в унисон с нашим намерением. А детали... Вы их отличнейшим образом отработаете сами. Так?..— И, не ожидая ответа, приказал: — Дальнейшее оформление возьмете на себя.

...Ровно через пять дней после отъезда Нандора в почтовый ящик была опущена открытка с венским адресом и с видом Красной площади. Бутов вступил в игру.

Село Чквиниси. Открытие Музея Галактиона Табидзе.

ПОЭТУ ГРУЗИИ

В большой праздник превратился юбилей восьмидесятилетия со дня рождения выдающегося грузинского поэта Галактиона Табидзе. В Тбилиси состоялось торжественное заседание, после которого лучшими артистическими силами Грузии было показано представление, составленное из произведений поэта. Такие же торжества состоялись в Кутаиси и на родине Галактиона Табидзе — в селе Чквиниси, где был открыт мемориальный музей с большой экспозицией, рассказывающей о жизни и творчестве поэта. В праздновании приняли участие писатели из других республик Советского Союза.

Фото А. ЧАРКВИАНИ.

Кутаиси. Здесь будет памятник поэту.

ВЛАДИМИР ПИЛЬГУЙ— ЛУЧШИЙ ВРАТАРЬ СЕЗОНА

Четырнадцатым обладателем Кубка «Огонька» стал молодой вратарь московского «Динамо» Владимир Пильгуй.

С 1960 года разыгрывается Кубок лучшего вратаря сезона, и за эти годы в числе наших лауреатов побывали такие великолепные мастера, как Л. Яшин (трижды), В. Маслаченко, С. Котрикадзе, А. Кавазашвили (дважды), Ю. Пшеничников, В. Банников (дважды), Е. Рудаков (трижды). Теперь рядом с этими верными стражами футбольных ворот по праву занял место 25-летний Владимир Пильгуй, один из самых талантливых наследников Льва Яшина.

Дебют его в воротах днепропетровского «Днепра» в 1968 году прошел удачно. Смелый, резкий, прыгучий и, что очень важно, быстро ориентирующийся в сложной обстановке, молодой вратарь сразу завоевал место в основном составе. Так же быстро занял Владимир четыре года назад место в основном составе и московского «Динамо». А в 1972 году он начал защищать ворота сборной СССР.

ПЛАТОК НА СЧАСТЬЕ

Капитан-лейтенант Емиль Грубишич: «Советские летчики спасли мне жизнь».

Алексей ГОЛИКОВ

Фото автора.

ПАРТИЗАНСКИЙ ШТУРМАН

Когда стемнело, командир корабля Николай Слепов поднял свой транспортный самолет с изрытого бомбами аэродрома под Киевом и взял курс на Югославию. Это была вторая попытка доставить югославским партизанам мощную радиостанцию. Первая не удалась. Самолет Слепова сбили, экипаж спасся на парашютах.

На этот раз линию фронта миновали благополучно. Когда позади осталась уже большая часть пути, в звездном небе мелькнул силуэт «мессершмитта». К счастью, он не заметил советскую машину.

— Под нами Югославия, через тридцать минут выходим на цель,— доложил штурман Павел Москаленко.

Цель — это партизанская посадочная площадка километрах в шести от города Босанска-Петровац, и там по условным сигналам самолета партизаны зажгут посадочные костры. Придя в расчетную точку, Слепов помигал бортовыми огнями. Но земля не ответила.

Небо уже светлело, звезды меркли — близился рассвет. Слепов принял решение выйти на побережье Адриатики к городу Сплиту, сориентироваться по нему и вернуться. Вскоре летчики увидели скалистый берег, окаймленный белой полосой морского прибоя, и город Сплит. Развернулись и пошли обратно. Вершины гор уже освещало солнце, а долины застилал плотный туман, не позволяя найти посадочную площадку. И тут выяснилось, что механизм подачи бензина из запасного бака отказал.

— Горючее на исходе,— доложил командиру бортмеханик Аркадий Тейхман.

Срочно садиться! Но куда?.. В стороне увидели не закрытую туманом долину. Развернулись на нее и уже пошли на посадку, когда заметили мачту радиостанции, самолеты с черными крестами, зенитную батарею и часовых. Это был гитлеровский аэродром возле местечка Баня Лука.

Недалеко отсюда оказалось поле. Раздумывать было некогда, бензин кончился, и Слепов посадил машину. К самолету подошли люди.

— Кто здесь, немцы или партизаны? — обратился к ним пилот.

— И те и другие есть.

— А вы кто?

— Крестьяне!

Летчики попросили ведро, чтобы перелить бензин из запасного бака в исправный.

— Далеко ли отсюда до партизанского аэродрома? — спросил Слепов.

— Это за горою, километров сорок по прямой,— ответил рослый крестьянин.— Возьмите меня с собой, я покажу дорогу.

— А если фашистов в воздухе встретим?

— Мой дед вместе с русскими против турок воевал. И теперь русские нам помогают, жизни не щадят, как же мне бояться...

«Партизанского штурмана», как тут же окрестили летчики своего проводника, Слепов посадил рядом, в пилотскую кабину. Когда перелетели через горы, крестьянин уверенно показал вниз:

— Вон возле леса поле, это и есть партизанский аэродром.

Там никого не было. Когда самолет сел и остановился, из леса загремели выстрелы. Слепов хотел взлететь.

— Это наши, партизаны,— остановил его крестьянин, выскочил из самолета и побежал к лесу, что-то громко крича.

Слепова ждали накануне и думали, что он уже не прилетит. Приняли его за врага и обстреляли. Партизаны выгрузили радиостанцию и укрыли самолет в лесу. Крестьяне из соседней деревни принесли для летчиков скромное угощение. Появилось вино и даже музыка: кто-то принес скрипку, гармошку и бубен. Тост был один: за дружбу навек!

ТРИДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

На югославском эсминце «Пула», который пришел в Севастополь с дружеским визитом, я познакомился с капитан-лейтенантом Емилем Грубишичем. Он рассказал, что во время войны партизанил, был ранен, и на советском самолете его вывезли в итальянский порт Бари. Я ответил, что в те годы тоже бывал в Бари, служил в авиации. Грубишич на меня пристально посмотрел и вдруг воскликнул:

— Я же тебя знаю, ты мне свою шинель отдал! Помнишь? Летчик Михайлов тогда меня тридцать первым в ваш авион взял! Русские мне жизнь спасли!

...Бари. 1944 год. В гавани из воды торчали мачты и трубы английских кораблей, потопленных гитлеровской авиацией. На узеньких улицах слышался разноязыкий говор солдат союзников. Здесь базировалась и группа наших транспортных самолетов, которые летали к югославским партизанам. Полеты были всегда сложными, требовали от пилотов большого мастерства и мужества.

Фашисты наступали в Югославии. У патриотов недоставало боеприпасов, было много тяжелораненых, которых требовалось срочно вывезти.

Вылетели мы с наступлением темноты. Командир корабля Герой Советского Союза Павел Михайлов получил приказ не перегружать самолет, так как партизанский аэродром крошечный и взлетать будет трудно. Точно в рассчитанное время увидели сигналы — костры, выложенные конвертом. На земле сразу попали в крепкие объятия. «Друже русский!» «Привет брату!» «Спасибо, что прилетели». А невдалеке шел бой: слышались пулеметные очереди, разрывы мин.

Пока разгружали боеприпасы, мы осмотрели площадку. Отсюда и порожняком-то взлететь мудрено: полоса очень короткая и впереди горы.

Командир отряда отобрал 15 раненых, и они стали садиться в самолет. Все были босиком и в одном белье: обувь и одежду оставляли товарищам в отряде. На земле лежали и сидели те, кому не хватило места.

Михайлов не выдержал:

— Грузи еще пятерых!

— А как же приказ? — спросил я.

Он только рукой махнул и пошел снова осматривать площадку. Потом попросил бойцов свалить несколько деревьев, чтобы удлинить взлетную полосу. А командир партизанского отряда спрашивает: нельзя ли взять еще нескольких?

— Грузи десять!

Мы откатили самолет назад, выиграв десяток метров, и уже хотели запускать моторы, когда принесли тяжелораненого.

— Это последний, — умолял командир,— не возьмете его, он умрет.

— Но ведь уже тридцать первый! — взмолился Михайлов, но отказать не смог.

Запустили моторы. Винты вращались все быстрее, образуя в отблеске костра розовые диски. Машина тронулась с места. У самого конца площадки Михайлов плавно взял штурвал на себя. Самолет тяжело оторвался от земли, на секунду словно бы завис в воздухе, а потом стал послушно набирать высоту. Я зашел к раненым. Тридцать первый тихо стонал. Он потерял много крови, и его бил озноб. Я накрыл партизана своей шинелью. Через два часа мы приземлились в Бари.

ПЛАТОК БАБУШКИ ЗОРЫ

В Белград мы прилетели, когда бои за освобождение югославской столицы только-только закончились. На аэродроме успели разминировать лишь взлетно-посадочную полосу и узенькую дорожку, по которой с великим бережением отрулили на стоянку.

Белград еще курился пожарищами, под ногами хрустело стекло, где-то на окраине стреляли. Но настроение в городе было праздничное. Люди обнимались, пели, плясали.

По улице, запруженной народом, шла рота наших автоматчиков. Впереди лейтенант, приложив руку к козырьку фуражки, а за ним солдаты в выгоревших гимнастерках четко, как на параде, печатали шаг. И в этом победном строю все они казались молодыми, красивыми, сильными.

Я хотел пойти вслед за ротой, но дорогу преградила девушка.

— Друже офицер,— сказала она,— пойдем к бабушке Зоре. Она просила пригласить первого русского, которого я встречу. Бабушка больна, сама выйти не может.

Девушка привела меня в дом со следами пуль на стенах.

Бабушка Зора сидела за столом. Возле нее на полу играла девочка лет трех, внучка. Старушка поднялась, обняла меня и, целуя сквозь слезы, стала горячо благодарить.

В комнату входили люди, видимо, соседи, и все в один голос меня благодарили, а я никак не мог понять, за что. Наконец заговорил седоусый серб. Он рассказал, что перед боями за Белград фашисты заминировали этот квартал. А когда стали отступать, хотели взорвать. Помешали русские. Была сильная стрельба. В подвал, где прятались жильцы дома, вбежал эсэсовец с пистолетом, а за ним — советский солдат. Русский дал очередь из автомата, целясь повыше, чтобы не попасть в людей. Эсэсовец отстреливался из пистолета, сбил пулей пилотку с солдата, а когда кончились патроны, схватил внучку бабушки Зоры, прикрылся ею, как щитом, и с ножом пошел на русского. Тот бросил автомат, обезоружил фашиста и спас девочку.

Русского звали Иван Киселев.

Седоусый серб замолчал, и все снова стали меня благодарить. Тщетно я повторял, что я не Иван Киселев и ничем не заслужил их благодарности. В ответ мне говорили: какая разница, ты же русский! А бабушка Зора подарила на память и на счастье шелковый платок.

ЕГИПЕТ В ЭТИ ДНИ

Виктор КУДРЯВЦЕВ

В переломные дни октября, когда египетский народ отражал агрессора, когда потребовалось напряжение всех сил народа, можно было наблюдать, как менялся сам характер египтян, как проявлялись особенности, которые раньше были скрыты.

Немного беспечный и суетливый и порой не в меру разговорчивый египтянин стал сосредоточенным, углубленным в себя, даже молчаливым. Мысли всех и каждого были прикованы к тому, что происходило у берегов Суэцкого канала. Многие не выходили из дома, не захватив с собой транзисторных приемников. Ежедневно передавалось по 4—5 сводок Верховного командования египетской армии, и каирцы боялись их пропустить. Мне кажется, самое главное, что характеризовало в эти дни всех каирцев и египтян вообще,— это чувство ответственности.

— Каждый из нас должен находиться на своем посту и четко выполнять свои обязанности. Единство народа прежде всего в общем чувстве ответственности, в общем сознании общественного долга,— сказал один из них.

Мне довелось быть в Каире в период кризиса 1967 года, и могу сказать, что Каир 1973 года сильно отличается от того, каким он был тогда. В течение всего периода военных действий отсутствовала недооценка противника, учитывалась возможность длительной и упорной борьбы. Сознанием ответственности отмечены и действия государственных и военных организаций. Передававшиеся сводки военного командования характеризовались деловым тоном, таким же уравновешенным тоном отмечены и выступления государственных и общественных деятелей Египта. Не было никакого желания изобразить желаемое за действительное.

Жители Каира спокойно и сознательно встретили те ограничения, которые ввело военное время. Это — рационирование продуктов питания, ограничение потребления бензина. Эффективно была организована служба гражданской обороны.

Как-то, когда еще шли военные действия, я побывал у моего знакомого Мухаммеддина Саида, который работает на одном из каирских заводов. Он живет в старом Каире, неподалеку от мечети Ибн Тулуна. Живет небогато — это бедный район. Жилище почти не отделено от улицы, открыв дверь, сразу входишь в комнату. Обстановка скромная, оловянная посуда, на стенах небольшие коврики с изречениями из корана.

Развеваясь, как парус, во дворе сушится белье. У Мухаммеддина большая семья — четыре сына и две дочери. Два сына были на фронте.

— Я тревожился за них,— говорит Мухаммеддин,— но так нужно. Все последние годы мы не могли забыть, что часть нашей земли отнята агрессором,— это как камень лежало на сердце и мешало вздохнуть полной грудью. Это будет так, пока мы не сбросим этот камень...

Главное то, что сказанное им сейчас в мыслях всех египтян. В душе и сознании египетского народа произошли те изменения, которые превратили его в борющийся народ. В этом секрет того, что египетский народ успешно отразил новую агрессию Израиля.

Египетские войска форсировали канал. Это была серьезная военная операция, проводившаяся с координацией всех родов войск. Операция прошла успешно — это признают сегодня даже те, кому совсем не хотелось бы этого. Навсегда разрушен миф о непобедимости израильской армии, старательно подчеркивающийся сионистской пропагандой.

Мне довелось присутствовать при сдаче в плен группы израильтян в одном из районов линии Барлева, на восточном берегу Суэцкого канала. Представители Красного Креста и египетские воины сопровождали группу израильских солдат — молодых парней в зеленой форме и крепких башмаках. На голове у них были маленькие шапочки, надевающиеся для религиозных отправлений. День, когда они сдались в плен, был субботой. Они шли молча, опустив голову. Я вспоминаю тот случай, когда мне пришлось видеть израильских солдат, но не как пленных, а как оккупантов. Это было в 1967 году в июле в иорданской местности.

Через иорданский мост, обрушившийся в реку, перебирались толпы арабских беженцев, на понтонном мосту стояли израильские солдаты, изредка покрикивая на беженцев, чтобы не отставали. Солдаты равнодушно смотрели на это народное бедствие. Они были самодовольны и уверены в себе. Израильский офицер сказал жителям, собравшимся у моста Аленби: «Мы справились в шесть дней. В другой раз сроки будут короче. Сам господь бог не может заставить нас уйти оттуда, куда мы пришли».

Но 1973 год — это не 1967-й... Сегодня они совсем другие, эти израильские солдаты, ставшие пленными. Они униженно закуривают сигареты, которые предлагают им египетские солдаты. Раненым оказывается медицинская помощь.

Мне удается поговорить с одним из пленных. Хаим Нахум Вармин говорит: «Мы решили, что сопротивление бесполезно, больше недели мы не имели связи со своими. А что нам было делать? Нам говорили, что линия Барлева непроходима. Но все оказалось по-другому...»

Восточный берег канала густо покрыт колючей проволокой, мы поднимаемся вверх по узкой тропинке, нельзя сделать ни одного шага ни влево, ни вправо — там еще заминировано.

Линия Барлева только что была покинута своими защитниками и хранила следы завершившегося здесь сражения. Опорные пункты построены из железобетона, покрыты бронированными плитами. Глубокая и разветвленная сеть траншей расходилась по всему району. Здесь израильские оккупанты думали устроиться с удобствами и надолго. В некоторых блиндажах телевизоры и даже телефоны. Можно было связаться с Тель-Авивом. И, конечно, повсюду огромное количество оружия.

Это было вчера. Сегодня это уже поверженная крепость. На моих глазах египтяне подняли на этом участке Восточного берега флаг Арабской Республики Египет.

Мысли и побуждения египтян обращены к борьбе за справедливый мир на Ближнем Востоке. Предстоит новый этап борьбы за осуществление резолюции Совета Безопасности № 242, предусматривающей вывод войск агрессора с оккупированной территории. Египет принял решение ООН о прекращении огня, и соответствующий приказ был отдан по египетской армии незамедлительно. Однако агрессор неоднократно срывал его, поэтому проблема прекращения огня остается острой.

Сегодня на улицах Каира и на дорогах можно увидеть белые машины с эмблемой «ООН». Они перевозят чрезвычайные силы ООН, прибывшие в АРЕ. Солдаты в голубых касках и светлой форме. На рукавах нашиты гербы их страны. Это финны, шведы, австрийцы, ирландцы. Они отправляются на линию прекращения огня. Официальные силы ООН высоко отзываются о той помощи, которая оказывается им египетским командованием. Они обеспечены всем необходимым.

Сегодня египетский народ с оптимизмом смотрит в будущее. Он уверен в своих силах, столь же уверен он в своих друзьях. Это в первую очередь относится к СССР. Египтяне отчетливо сознают, что твердая и последовательная позиция нашей страны сыграла решающую роль. «В самый ответственный момент, как это было всегда,— писала каирская газета «Аль-Ахрам»,— Советский Союз пришел к нам на помощь и использовал весь свой авторитет на международной арене в интересах мира».

Но время ставит перед Египтом новые задачи. Начинается восстановление разрушенных городов, возрождение жизни в освобожденных районах. В стране создано специальное министерство восстановления. Оно приступило к составлению планов реконструкции. Разрабатываются проекты расчистки Суэцкого канала для судоходства.

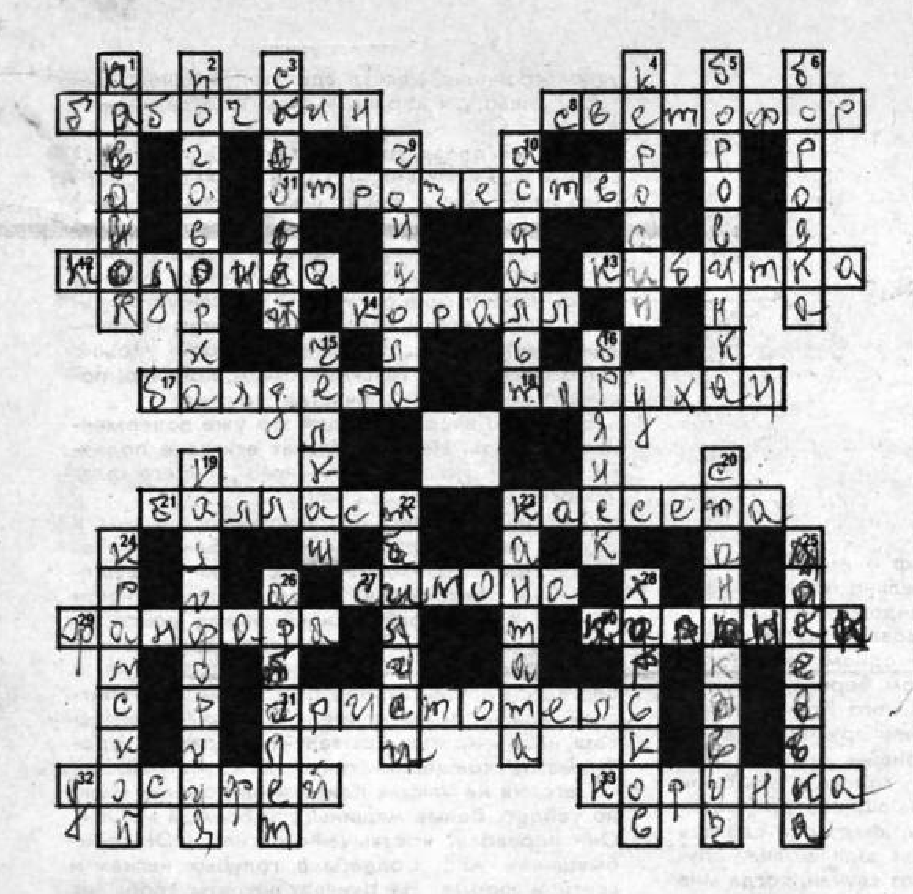
Египетский народ обрел «второе дыхание».

г. Каир (по телефону).

По решению Совета Безопасности ООН на Ближний Восток в районы военных действий направлены наблюдатели ООН для контроля за соблюдением соглашения о прекращении огня, принятого в соответствии с резолюцией Совета Безопасности от 22 октября 1973 года.

Фото ТАСС.

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Актер и режиссер, народный артист СССР. 8. Сигнальный фонарь. 11. Повесть Л. Н. Толстого. 12. Танец. 13. Крытая повозка. 14. Морское неподвижное животное. 17. Оперетта Кальмана. 18. Приток Енисея. 21. Груз для увеличения веса судна. 23. Футляр для фотографической пленки. 27. Роман Л. Фейхтвангера. 29. Духовой инструмент. 30. Рыба отряда сельдеобразных. 31. Древнегреческий мыслитель. 32. Действующее лицо оперы М. П. Мусоргского «Хованщина». 33. Сушеный виноград.

По вертикали: 1. Подъем воды в реке. 2. Краткое народное изречение. 3. Певчая птица. 4. Горючая жидкость. 5. Сорт яблок. 6. Выступ на ключе. 9. Венецианская лодка. 10. Материал для строительства дорог. 15. Рассказ М. Горького. 16. Областной центр в РСФСР. 19. Штат на тихоокеанском побережье США. 20. Автор повести «Вокруг света на «Коршуне». 22. Столица союзной республики. 23. Вокально-инструментальное произведение. 24. Русский живописец. 25. Город на Украине. 26. Метательное оружие. 28. Персонаж комедии А. Н. Островского «Бедная невеста».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали: 6. Консерватория. 9. Этикетка. 10. Андерсен. 11. Редис. 14. Меркатор. 15. Электрон. 16. Огинский. 17. Кедровка. 18. Нежданова. 21. Орнамент. 22. Цистерна. 24. Розмарин. 26. Волейбол. 28. Газон. 30. «Баядерка». 31. Автограф. 32. Тригонометрия.

По вертикали: 1. Новелла. 2. Бекар. 3. Гвоздика. 4. Атлас. 5. Витебск. 7. «Птицелов». 8. Целлофан. 12. «Воскресение». 13. Владивосток. 19. Молочная. 20. Барограф. 23. Гамзатов. 25. Аллегро. 27. Европий. 28. Галоп. 29. Напев.

На первой странице обложки: Л. И. Брежнев и Иосип Броз Тито перед началом переговоров.
Фото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна.

На последней странице обложки: Первый снег.
Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, Д. Г. БОЛЬШОВ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-87; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 29/X — 73 г. А00150. Подп. к печ. 13/XI — 73 г. Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 2421. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 1334.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

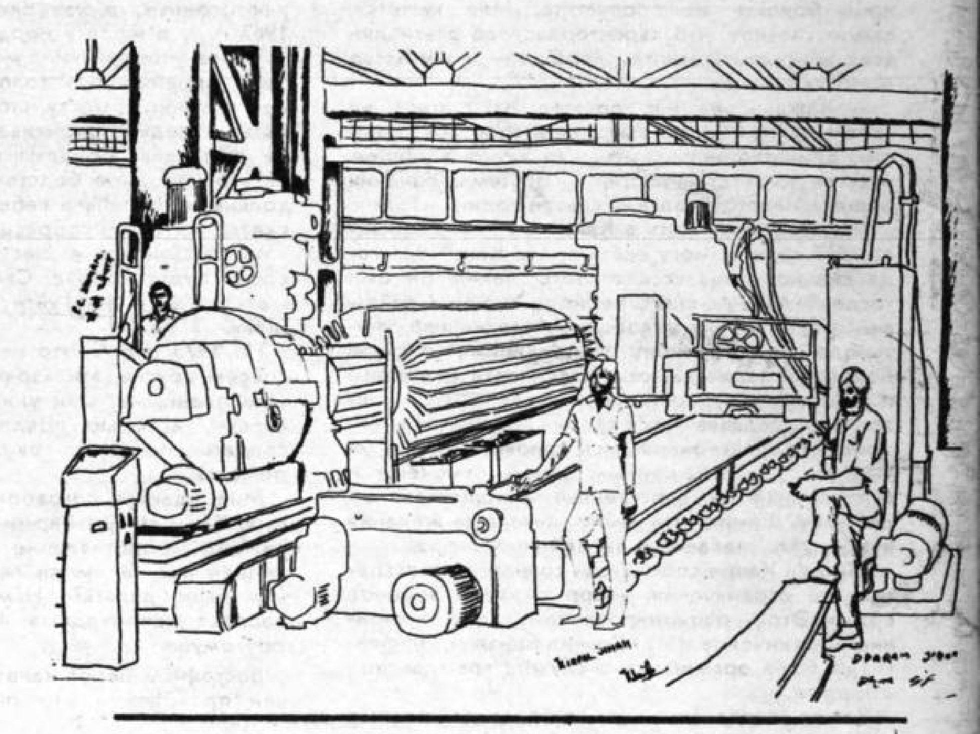
С БЛОКНОТОМ ПО ИНДИИ

Мое путешествие по земле Тагора, Ганди, Неру продолжалось всего месяц. Многое я, к сожалению, увидел весьма бегло, на ходу. Узнать всерьез страну пятитысячелетней культуры за какие-нибудь тридцать дней так же невозможно, как и, говоря словами восточной поговорки, выкопать иголкой колодец. Но все же самое для меня интересное осталось в моем блокноте художника, с которым я не расставался во всех своих странствиях по Индии. Не удивительно, что я, как многие художники до меня, включая самих индийцев, не смог избежать в своих зарисовках колдовского обаяния старого искусства Индии. Однако, стараясь брать полной мерой из этой сокровищницы прошлого, восхищаясь искусством Эллуры и Аджанты, красотой дворцов и древних мавзолеев, я не смог пройти и мимо тех великих преобразований, по пути которых идет Индия сегодняшнего дня.

Сосуществование в Индии различных эпох, может быть, и делает страну поистине чудесной. Но главное чудо ее — люди, строящие огромные индустриальные комплексы — символы подлинной независимости древней земли. Многие из этих новостроек возводятся или уже возведены с помощью Советского Союза. Таковы металлургические заводы в Бхила́и и Бока́ро, заводы тяжелого машиностроения и электрооборудования в Хардваре, Ранчи, больницы, школы, культурные центры и многое другое. На каждом из этих предприятий наши советские специалисты помогают дружественному народу, отдают свои знания и опыт молодому поколению индийцев.

Проехав по Индии и пролетев над нею тысячи километров с севера на юг и с востока на запад, я смог воочию убедиться, что великая страна Индостанского полуострова живет одновременно великим прошлым, настоящим и прекрасным будущим. Именно это мне хотелось отразить в своих работах.

Герман ЧЕРЕМУШКИН, АПН

Завод в Хардваре.

Свет.

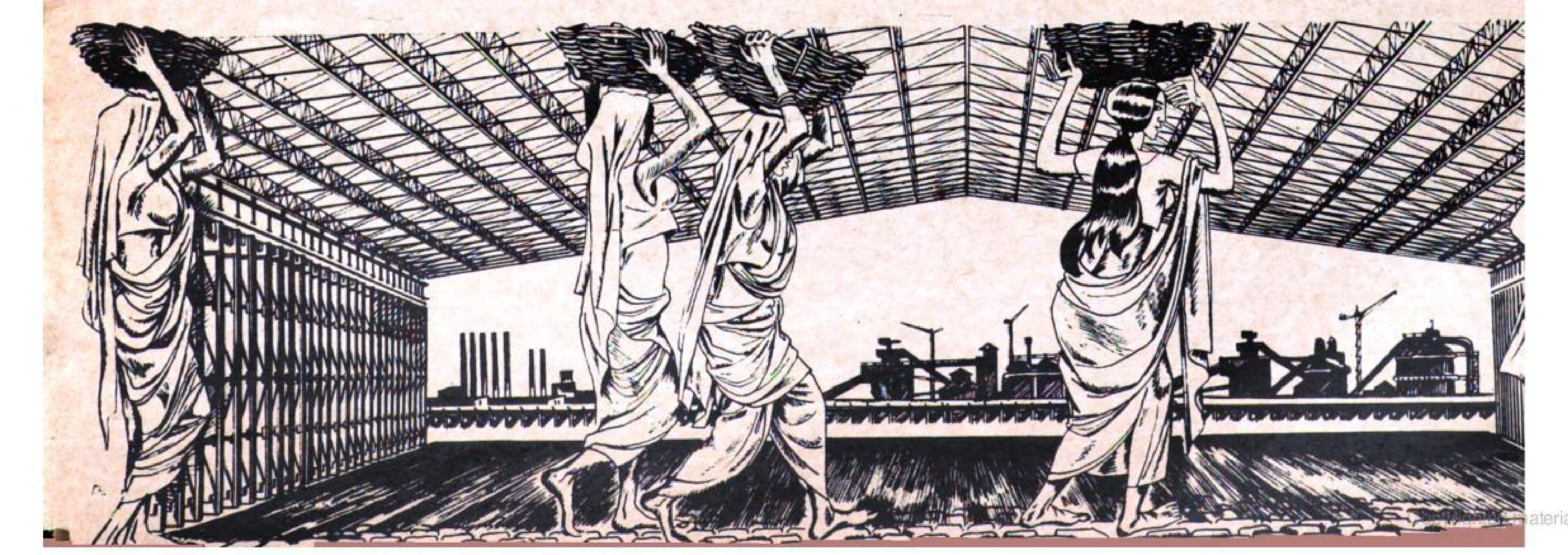

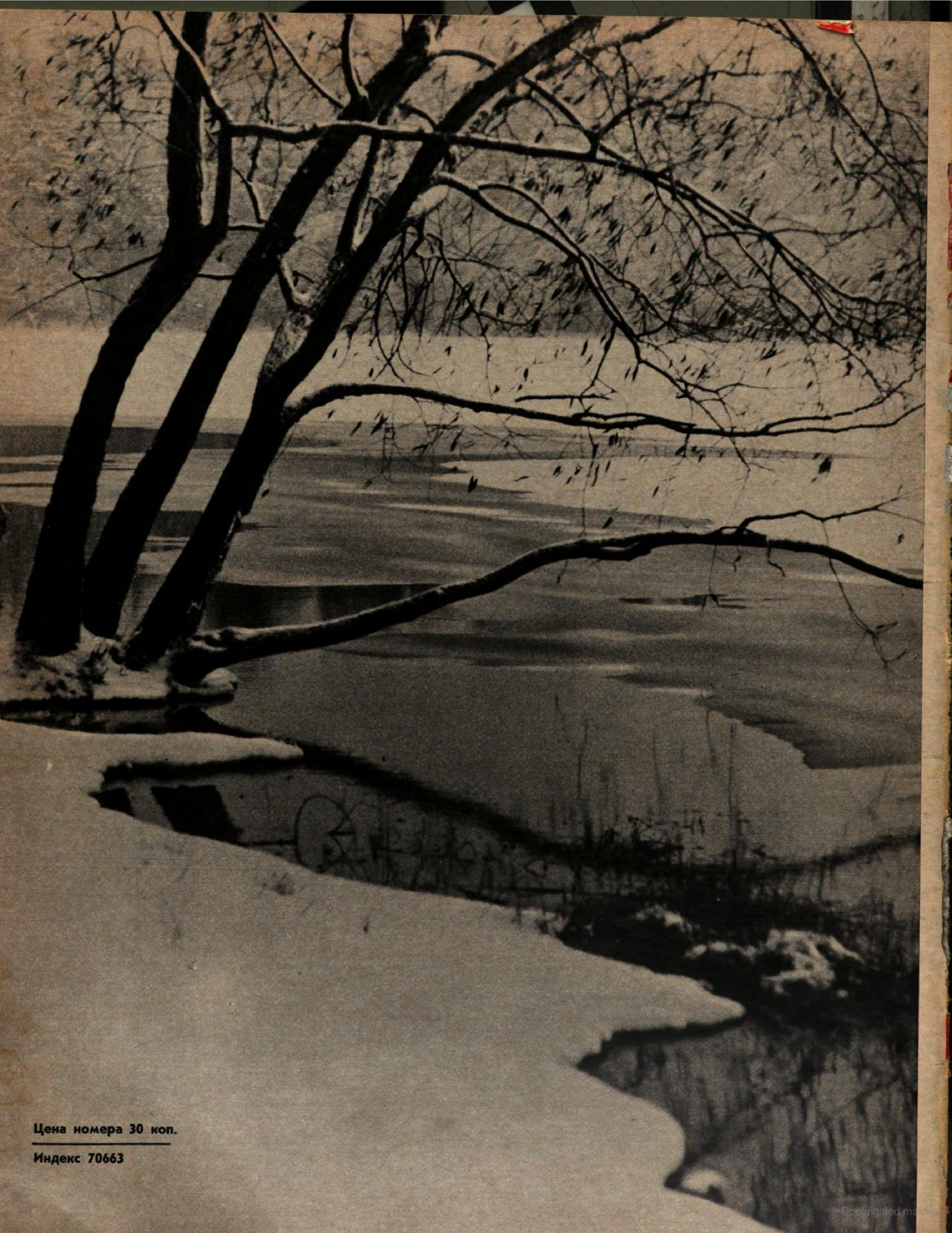

Металлурги.

Днем и ночью растут домн

Цеха Бокаро строятся.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663